PG 2834
.8
.E17

1853

THE LIBRARY OF CONGRESS

E. P., fl. 1853
D494
27

НАРОДНЫЯ

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

СОБРАНЫ

Е. П.

II

«Die Sage lebt im Gesang.»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.
1853.

PG-2834
.8
.E17
1853

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 16 Января 1853 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

91—15723
[-PS7
02/08/91

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

СТР.

Пѣсни весеннія 5
» лѣтнія 10

ПѢСНИ ЛИРИЧЕСКІЯ.

I. Лирическія 13
II. Думки 19

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЯ.

Обрядовыя свадебныя пѣсни 25
свадебные обряды 34
I. Заручинскія 42
II. Подвѣнечныя 60
III. Послѣ вѣнца. 66
IV. Когда пекутъ коровай 68
V. Передъ пріѣздомъ жениха 69
IV. Женихъ ѣдетъ за невѣстой 71
VII. Женихъ на дворѣ тестя 76
VIII. Невѣста выходитъ къ жениху 77
IX. Молодые входятъ въ избу. 78
X. Молодыхъ садятъ на почетное мѣсто . . . —
XI. Передъ отъѣздомъ молодыхъ 79
XII. Молодая въ домѣ свекра 85

Главнѣйшее словесное богатство Бѣлоруссовъ состоитъ въ пѣсняхъ — этихъ самородныхъ памятникахъ словесности, которые, несмотря на всѣ измѣненія и обновленія въ языкѣ ихъ, живутъ безсмертіемъ въ устахъ простаго народа. Пѣснями бѣлорусскіе поселяне привѣтствуютъ весеннее солнце, встрѣчаютъ красную весну, первый весенній дождикъ, и пѣснями услаждаютъ страдную пору. Пѣснь—то веселая, то печальная—присущая важнѣйшимъ моментамъ жизни простаго народа, провожаетъ его до гроба, и оканчивается плачевнымъ причитаніемъ надъ тѣломъ усопшаго. Въ остаткахъ немногихъ пѣ-

сенъ и припѣвовъ упоминаются еще древнія божества и рѣки, въ честь копхъ онѣ, быть-можетъ, были пѣты прежде: *Ладо*, *Лелій*, *Купало*, *Дунай*.

Помѣщенныя въ этомъ сборникѣ пѣсни представляю какъ *матеріялъ* для ученыхъ, занимающихся критическою разработкою этого источника народной поэзіи; потому, быть-можетъ, трудъ мой не будетъ совершенно безполезнымъ. Пѣсни собраны мною преимущественно въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. Общеупотребительность ихъ и въ прочихъ уѣздахъ этой же губерніи осмѣлила меня предлагаемой книгѣ дать названіе: *Пѣсенъ Бѣлорусскихъ*. При всѣхъ стараніяхъ съ моей стороны объ умноженіи сборника числомъ пѣсенъ, я не сомнѣваюсь, даже увѣрена, что, не только въ прочихъ мѣстахъ губерніи, но даже въ самомъ Быховскомъ уѣздѣ, найдется еще много пѣсенъ, кромѣ мнѣ извѣстныхъ и потому вошедшихъ въ мою книгу.

Я ни въ чемъ не измѣнила пѣсенъ, писала такъ, какъ слышала; но не сохранила особенностей бѣлорусскаго выговора, и приняла русскій алфавитъ.

Е. П.

ВЕСЕННІЯ ПѢСНИ

1.

Отчего ты лѣсъ не зеленъ стоишь,
Не зеленъ и не веселъ?
А взвеселитъ меня весна красна,
Весна красна, красны дѣвочки!

2.

Изъ подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ подъ гаю, да зеленаго
Идутъ дѣвочки, идутъ
Голосокъ ведутъ,
Пѣсенки поютъ.
Весна красна, день теплый!
Идутъ дѣвочки,
Изъ лѣску идутъ,
Красочки несутъ,
Вѣночки вьютъ
На головочки кладутъ.
Весна красна, день теплый!

3

Въ воскресеньѣ рано
Пошла дѣвка за водой.
Стала дѣвка воду брать
И зачула соловья.
«Охъ! еслибъ же мнѣ этотъ соловей!
Кормила бъ я его пшеницей,
Попла бы сытицей;
Повела бъ его въ комору,
Положила бъ его въ подушки,
Накрыла бъ его деружкой (одѣяло)».
Охъ! ты дѣвка безумная!
Есть на лугу калина, малина —
Лучше твоей пшеницы;
Есть на лугу крынцы —
Лучше твоей сытицы;
Есть на лугу бесѣда —
Лучше твоей коморы;
Есть на лугу лопушокъ —
Лучше твоихъ подушёкъ;
Есть на лугу сѣножать —
Лучше твоихъ деружекъ.

4.

А изъ подъ лѣсу, лѣсу темнаго
Весна красна, день теплый!

Выступала туча грозная.
Люди той тучи попугалися,
Попугалися, поулякалися (*)
Обозвался'й отецкій сынъ:
—Не пугайтесь, не улякайтесь
Этой тучи.
—Эта туча ни дождевая, ни снѣговая:
Она моремъ шла — пчелокъ садила,
Она полемъ шла — жито родила,
Она селомъ шла — статокъ плодила.

5.

Весна красна, день теплый!
На яворѣ сидитъ соколъ и съ соколочкой.
Весна красна, и проч.
Ходитъ молодъ N (имя мужчины) вокругъ явора,
Въ рукахъ ружье носитъ;
Хочетъ сокола и съ соколочкой загубить.
Ему тотъ соколъ отговариваетъ:
Не бей меня, молодъ N,
Я тебѣ снадобенъ буду.
Какъ поѣдешь ты за N (названіе рѣки) за дѣвочкой,
Перевезу твою всю дружину:
Дружину твою на спинѣ,

(*) Улякнуться значитъ испугаться.

Маршалковъ твоихъ на крылышкахъ,
А красну дѣвочку на шеечкѣ,
Самого хотя на головочкѣ,
А музыченьку на хвостикѣ.

6.

Отчего ты, жоравъ, не вылётаешь рано
Зеленъ яворъ, ты жъ кудрявый!
— Какъ же я могу да'й вылётывать:
Зеленъ яворъ, и проч.
По загорьяйку всё снѣги лежатъ,
По калужинкамъ всё воды стоятъ;
А мнѣ этихъ снѣговъ не надыбаться (*),
А мнѣ этой воды не напиться!
Отчего ты, N, да не женишься?
— Какъ же я могу да'й женитися:
Ещё жъ моя дѣвочка да не выросла,
Шелковой хусты да не выткала,
Бѣлевыхъ утиральниковъ да не выбѣлила!

7.

Какъ пойду я молода по бору сонъ (**) топтать;
Ладо люли — сонъ топтать!

(*) Отъ польскаго *dybać*.

(**) *Сонъ*—названіе перваго весенняго цвѣтка (синяго), ростущаго преимущественно въ сосновыхъ лѣсахъ.

А у меня молодой не своя мать
Ладо люли — не своя мать!
Не пускаетъ меня молоду рано погулять;
Ладо люли — рано погулять!
Хотя и пуститъ на порѣ —
Ладо люли — на порѣ!
Всѣ дѣвочки во дворѣ;
Ладо люли — во дворѣ!
Хотя же пуститъ поздненько —
Ладо люли — поздненько!
Всѣ дѣвочки розненько —
Ладо люди — розненько!

—

ПѢСНИ ЛѢТНІЯ.

Во время жнитвы.

1.

О солнинько, солнинько!
Было ли ты въ наймѣ,
Спогадаешь ли ты мнѣ?
О, еслибъ я было въ наймѣ,
Спогадало бъ тебѣ:
Всходило бы позненько,
Заходило бы раненько.

2.

Жну я, пожинаю,
На солнинько позираю:
Высоко-ли солнинько?
Далеко–ли мой батюшка?
О! высоко солнинько!
О! далеко батюшка!

3.

А чьи-то жнички къ мѣсечку
Жито жали,
Серпочки потеряли.
Которая серпокъ нашла—
Та рано во дворъ пошла;
А у которой нѣту —
Та ищетъ до свѣту.

Въ послѣдній день жнитвы, помѣщики угощаютъ жницъ водкою. Вечеромъ этого дня жнеи съ пѣснями являются на дворъ къ своему помѣщику. Впереди всѣхъ идетъ прекраснѣйшая изъ среды ихъ дѣвушка; вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ хлѣба, и украшающій голову ея, подается помѣщику — какъ поздравленіе съ окончаніемъ жнитвы. При этомъ поются слѣдующія пѣсни.

4.

Высокъ нашъ боръ, высокъ
Надъ всѣми борами;
Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надъ всѣми панами.

* *
*

Нѣтъ нашего пана дома:
Поѣхалъ во Львово,

Чарочки покупать,
Жней честовать.

* * *

Живешь нашъ баринъ въ добрѣ —
Неси намъ горѣлку въ ведрѣ.
Живешь нашъ баринъ въ новагѣ —
Неси намъ горѣлку въ баклагѣ.
Живешь нашъ баринъ въ домочкѣ —
Неси намъ горѣлку въ яндовкѣ.
Нашъ баринъ кудрями потрясетъ,
Намъ горѣлочки принесетъ.

—

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Лирическія, правильнѣе семейныя, пѣсни, обнимающія собою жизнь народа, поются равно во всякое время года: лѣтомъ, осенью, зимою и весною.

I.

ЛИРИЧЕСКІЯ.

1.

Перейду я сѣни, сѣни новыя,
Подыму я шубку да'й соболью;
Кабы лавочки не сдвинуть,
Кабы свекорки не взбудить.
Свекорка спитъ — гульня моя,
Встанетъ — журьба моя!

Онъ скажетъ своему сыну — мойму мужу;
А мужъ мой шателица
Побьетъ меня за бездѣлицу:
«Ты, жена, не гуляй
Съ дѣвками, съ ребятами;
А гуляй ты, жена, съ женками:
Дѣвочки тебя съ пути собьютъ.
Женочки на путь наведутъ.»

2.

Жаркое солнинько разыгралося,
Синее море расколыхалося.
Тамъ красна дѣвочка
Бѣль бѣлила
Да'й упустила.
По бережку ходитъ,
Бѣлы руки ломитъ,
Трехъ рыбалочковъ проситъ:
«О милые мои три рыбалочки!
А закиньте вы шелковыя сѣти,
Не вытегните ли вы бѣлиночки моей.
А какъ будете вы жениться,
Подарю вамъ по подарочку:
Первому подарокъ — золотой перстень,
Другому подарокъ — шелкову хусту.
Третьему подарокъ — золотой кубокъ,
Золотой перстень — для обмѣна,

А кубокъ — для умыванья,
Шелкова хуста — для утиранья.

3.

Черезъ поле, поле чистое
Летѣла пава размовистая,
Посыпала перье позлотистое.
А кто же то перье подбирать будетъ?
Подбирать будетъ красна дѣвочка.
Она подбирала и въ руку клала.
А изъ руки брала, да къ злотничку слала.
«Ты злотничку, ты выгадничку!
Охъ и выгадай мнѣ, да трп'й угодыйка:
Первое угодье — перловый вѣнчикъ,
Другое угодье — золотой перстень,
А третье угодье — кованый поясъ.
Перловъ вѣнчикъ — для вѣнчанья,
Золотъ перстень — для обмѣна,
Кованъ поясъ — для сватьбы.»

4.

Поведу дочку, да коханочку
Подъ темный лѣсъ, подъ зеленый гай,
А сама стану, да назадъ гляну —
Анъ моя дочка, да коханочка, какъ рѣка льется!

«Чего дочка, да коханочка, какъ рѣка льешься?
У тебя-ли дочка, да коханочка, свекорь лихій?
«Не угодала матушка, и не сдумала:
У меня свекорь какъ родной отецъ».
А у тебя-ли дочка, да коханочка, свекруха лихая?
«Не угадала, моя матушка, и не сдумала:
У меня свекруха какъ родная мать».
У тебя-ли дочка, да коханочка, мужъ лихій?
«Да; угадала, моя матушка, да и сдумала:
Мой мужъ что лютый змѣй!»

5.

Пойду въ боръ по колодѣ,
Сбираючи по ягодѣ:
Спеленькія въ лубочекъ,
Зелепушки въ кузочекъ.
Спѣленькія — то батюшкѣ,
Зелепушки — то свекоркѣ.
Ѣшь, батюшка — поживися.
Ѣшь, свекорка — подавися.

6.

(Хороводная).

Ай, хожу, хожу,
Спаточки хочу!

Какъ пойду я въ коморочку,
Прикладу я головочку
Къ свекровой постелѣ.
Свекорка идетъ
Не жалѣетъ меня:
«Невѣхнушка колѣлая,
Къ работѣ не спѣлая,
Спишь, да лежишь»!

* * *

Ай, хожу, хожу,
Спаточки хочу!
Какъ пойду я въ коморочку,
Прикладу я головочку
Къ свекрухиной постелѣ.
Свекруха идетъ
Не жалѣетъ меня:
«Невѣхнушка колѣлая,
Къ работѣ неспѣлая,
Спишь, да лежишь»!

* * *

Ай, хожу, хожу,
Спаточки хочу!
Какъ пойду я въ коморочку,

Прикладу я головочку
Къ отцовой постелѣ.
Батюшка идетъ
Жалѣетъ меня:
«Дитя мое дорогое,
Пошло замужъ молодое,
Всю ночку не спало
И въ день не даютъ».

Эта пѣснь поется до безконечности; тутъ выводятся на сцену мать, братья, сестры и прочіе родственники и родственницы въ такомъ же порядкѣ, какъ до-сихъ-поръ были выведены свекорь, свекровъ, отецъ.

7.

Суженька дѣвочекъ напросилъ:
Нате вамъ, дѣвочки,
Корабецъ яицъ,
Не кажите моей дѣвочкѣ,
Что я вдовецъ.
Дѣвочки яички побрали,
Суженьку вдовцемъ назвали.
А знать, узнать вдовца:
У него шапочка безъ вѣнца,
Безъ червоныя квѣточки;
Жаль ему этой дѣвочки!

8.

Отдалъ меня мой батюшка въ чужину;
А въ чужинѣ и чужихъ людей не знаю.
Я же тебя мое дитятко научаю:
Какъ пойдешь къ тихому Дунаю по воду,
Встрѣтишь старенькихъ людей громаду,
Ты жъ, мое дитятко, не пышися,
Уклонися.
А скажутъ же люди:
Что богатаго батюшки,
Разумной матушки,
Что не гордаго брата,
А удалицы сестрицы;
А скажутъ же люди,
Что доброй родины.

II.

ДУМКИ.

1.

По сегоднешній денечекъ
Проводила я дружка.
Проводивши я дружёчка,
Вздохнула тяжело;
Вздохнула тяжеленько,
Стала плакать и рыдать.

Стала плакать и рыдать,
Быстру рѣчку проклинать:
Богдай рѣчка, богдай быстра
Пескомъ — трускомъ заплыла!
О начто же мойго милаго
Да къ себѣ ты приняла!
И не чуть мойго милаго
Ни въ долинахъ, ни въ лѣсахъ;
Только тѣнь мойго милаго
Навсегда въ моихъ глазахъ.

2.

Ахъ, ты доля, моя доля!
Зачѣмъ ты не такая,
Какъ тая людская?
Люди пьютъ, гуляютъ,
Они и долю имѣютъ;
А я ни пью, ни гуляю,
И доли не имѣю.
Только жъ я и имѣю,
Да что новую хатку.
Охъ! татку, мой татку!
Приди ко мнѣ въ нову хатку,
Въ нову хатку на порадку (совѣтъ).
Возьми мою сокрушину
Въ шелковую хустину;

Возьми мои хлопоточки
Въ бѣленькіе платочки.
Посѣй мою сокрушину
По мхамъ, по болотамъ:
Кабъ и дѣвочки не щипали,
И вѣночковъ не свивали.

3.

Зеленая руточка, желтый цвѣтъ!
Зачѣмъ тебя, суженька, долго нѣтъ
Написала бъ листы — не умѣю,
Послала бъ пословъ — не смѣю,
Побѣгла бы сама — боюся;
Долгая дорога — стомлюся.
А по той дорогѣ сторожа.
Тѣ меня сторожа споймаютъ,
По бѣлому личеньку угадаютъ,
По русой косѣ познаютъ:
А ужёжъ это личенько вѣнчено,
А русая косочка треплена!

4.

Зачѣмъ ты, голубь, по полю летаешь?
А ты ли, голубь, голубки не маешь?
Буйные ли вѣтры крылья раздымаютъ?
Дробные ли дожди перья обсѣкаютъ?

Молодчикъ, молодчикъ, молодчикъ преудалый?
Зачѣмъ же ты, молодчикъ, на улку не ходишь?
Отецъ ли, мати тебя не пускаетъ?
Родъ-ли, племя тебя сокрушаетъ?
А ни отецъ, мати ни непускаетъ,
Ни родъ—племень меня сокрушаетъ;
Не пускаетъ меня чужая сторонка,
Чужая сторонка, въ N (названіе города) дорожка,
Въ N дорожка, красная дѣвица,
Красная дѣвица — русая косица.

5.

А кабъ я знала, кабъ я вѣдала
Свою горькую долю;
Пошла бъ я въ чернушечки
Малой дѣвчиной:
Чернушечки никакой работы не робятъ,
Только красно ходятъ.
Бѣль бы бѣлила —
Красно бы ходила!

6.

За рѣчкою, да за быстрою
Лежитъ казакъ застрѣленный.
Туда жъ летѣли три птички, три сѣренькія,
Сѣли, пали на казака:

Первая сѣла на головкѣ,
Другая на сердечку,
Третія на ножечкахъ.
Что на головкѣ — то мать его,
Что на сердечку — сестрица его,
Что въ ногахъ — то жена его.
Мать плачетъ вѣкъ до вѣку,
Сестра плачетъ годъ до году,
Жена плачетъ д'обѣдійка (до обѣда):
Пообѣдавши, въ садокъ пошла — вѣнокъ свила,
Въ танокъ (*) вошла — другаго нашла.
Гдѣ мать плачетъ — тамъ рѣка льется,
Гдѣ сестра плачетъ — ручеекъ бѣжитъ,
Гдѣ жена плачетъ — тамъ росы нѣтъ.

7.

У зайчика три тропочки
Первая тропа въ городъ пошла,
Вторая тропа къ водѣ пошла,
Третья тропа — въ чистое полѣ.
Что въ городъ пошла — то наѣсться.
Что къ водѣ пошла — то напиться.
Что въ чисто полѣ — нагуляться.
Ой, у N три думочки:

(*) Танецъ, пляска—отъ польскаго *taniec*, tanek.

Первая думà — отца слушать,
Вторая думà — пану служить,
Третія дума — какъ жениться.
Отца слушавши — я спасенъ буду,
Пану служивши — выслуженъ буду,
Оженившись — я жить буду.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЯ.

1.

Рано, рано, еще и пѣвни не пѣли!
Раньше того ворота скрипѣли:
Князь Василій на войну выѣзжалъ.
За нимъ послы, по три, по четыре:
— Вернись, вернись, князь Василій!
Тебѣ Богъ дитя послалъ! —
— Коли сына — отъ воротъ не вернуся,
Коли дочку — съ войны вернуся.
Сынъ взростетъ — на войну пойдетъ,
Дочка взростетъ — господыней будетъ,
Замужъ пойдетъ — мнѣ гостьей не будетъ.

2.

Летѣли соколы съ чужой, дальней стороны,
Сѣли, пали на вдовиномъ дворѣ.
Крылышками весь дворъ укрыли,
Очками свѣтлицу освѣтили,
Голосками вдову взбудили:
— Возстань, возстань, молодая вдова!
Выйди, выйди, да за новы ворота;
Прилягъ, прилягъ, да къ широкой дорогѣ:
Стонетъ ли широкая дорога,
Всѣ ли паны съ войны идутъ? —
— А всѣ паны съ войны идутъ,
Моего пана только коника ведутъ:
На коникѣ сѣдѣльце лежитъ,
На сѣдѣльцѣ рубаха виситъ;
Рубашечка вся кровью вскипѣла.

3.

Ой въ полѣ, въ полѣ, ни дымъ, ни вода,
Зеленая верьба.
Подъ той верьбой три войска стоятъ.
Въ первомъ войскѣ — коники рзутъ.
Въ другомъ войскѣ — молодцы поютъ,
Въ третьемъ войскѣ — братъ брата убилъ.

Слышны вѣсти д'отца, мати дошли:
— Сынку мой, сынку, что̀ жъ ты учинилъ?
А роднаго братца ты своего загубилъ!
— Я тебѣ, батюшка, всю правду скажу:
Стрѣлися мы, мати, въ тѣсной улицѣ;
Я ему, мати, *добры день* далъ,
А онъ мнѣ, мати, и рѣчи не указалъ;
Тогда я ему съ плечь головочку снялъ:
Покатилася головочка какъ шаръ по двору,
Разлилася горяча кровь по желтому песку! —

4.

Жена мужа не любила,
Да и загубила.
Пріѣхали два братца его:
— Невѣхнушка лебедка наша!
Куда нашъ братецъ пошелъ?
— Вы деверы, вы два лебедя мои!
У меня вчера любы гости: отецъ, мати были,
Поѣхалъ любыхъ гостей провожать.
— Невѣхнушка, лебедка наша!
Отчего твои новы сѣни въ крови?
— Вы деверы, вы два лебедя мои!
У меня вчера рыболовы были:
Уловили щуку–рыбу во льду,
Схоронили въ нову горницу мою.

— Ты невѣхнушка, ты лебедка наша!
Отомкни намъ нову горницу свою,
А поглядимъ щуки-рыбы мы твоей.
— Вы деверы, вы два лебедя мои!
Потеряла да три золоты ключи,
По стюдёную водицу идучи.
— Невѣхнушка, ты лебедка наша!
А выведи намъ воронаго коня:
Поѣдемъ мы къ сласарёмъ, къ ковалямъ,
А скуемъ мы да три золоты ключи.
— Вы деверы, вы два лебедя мои!
Да не куйте вы три золоты ключи;
А да скуйте жъ вы войструсенькой мечъ,
А снимите мнѣ головочку съ плечь.
Не снимайте вы въ суботочку,
А снимите вы въ воскресеньѣ:
Люди будутъ въ церковь идти
Богу молиться;
Старымъ бабамъ на подивенье,
Молодочкамъ на покоянье.

5.

А зачѣмъ, Дунаю, да тихонько плывешь?
Какъ же мнѣ Дунаю тихому не быть!
А по мнѣ, по Дунаю, три челны плыветъ:
А въ первомъ челнѣ кошки рзутъ,

А въ другомъ челнѣ молодцы поютъ,
А въ третьемъ челнѣ дѣвчина плачетъ.
Коники рзутъ — что домой бѣгутъ,
Молодцы поютъ — что съ войны идутъ,
Дѣвчина плачетъ — что въ полонъ берутъ.

6.

Запился казакъ, загулялся,
Отъ товарищей застался.
— Милые мои, товарищи!
Хотя вы меня покинете,
Коня моего воронаго не кидайте;
Заведите его къ отцу, къ матери его.
Отецъ, мать не смыслютъ-ли,
Подъ меня подводки не пришлютъ-ли.
Отецъ, и мать не смышляютъ,
Подводки не присылаютъ;
Пришлось молодцу загинуть,
Жену съ дѣтками покинуть!

7.

Жила вдова на подолѣ,
Имѣла вдова девять сыновъ,
Десятую дочку — Настеньку.

Сыны взросли — въ разбой пошли,
Дочка взросла — замужъ пошла.
Жила годокъ, жила другой,
На третій захотѣла въ гости:
— Ну-ка, купче, собирайся,
Поѣдемъ къ тещѣ въ гости,
Къ твоей тещѣ, къ моей матери.
Ѣдемъ поле — и другое....
Обняла насъ тёмная ночь.
Ну! ты, купче, дрова рубай,
Купченокъ — огонь раскладай!
Стучитъ, гучитъ по мосточку....
Это идутъ разбойники.
Какъ припали — купца убили
Купчёнка загубили.
Всѣ братья поусыпали;
Меньшій братецъ не усыпаетъ,
Все съ купчевной размовляетъ:
Откуда купчевна, какого рода?
— А я рода не большаго:
Жила вдова на подолѣ,
Имѣла вдова девять сыновъ,
Десятую дочку — Настенька.
Сыны взросли — въ разбой пошли,
Дочка взросла — замужъ пошла.
— Вставайте же братья!
А чтожъ мы сдѣлали!

Своего швагра да'й убили,
Племянничка загубили!
Пойдемъ же мы въ чисто полѣ
Разсыпемся мы каменійкомъ:
Пускай люди собираютъ,
А въ жаркихъ печахъ распаляютъ,
Пускай съ насъ грѣхи снимаютъ.

8.

Была у бабки курка-рябушка:
Нанесла бабкѣ корабецъ яицъ.
Зашли къ бабкѣ волочебнички.
Дала бабка всѣмъ по яичку,
Одной сиротѣ да не высталося.
Пошла сирота да не дякуючи.
Дала бабка окраецъ хлѣба:
Онъ и хлѣба не беретъ,
И спосиба не даетъ.
Дала бабка коня воронаго:
Онъ коня не беретъ
И спосиба не даетъ.
Дала бабка красну дѣвку:
Пошла сирота и подякиваючи!
Пошла сирота и подскакиваючи!

9.

На крутой горѣ,
Въ высокомъ теремѣ
Писарь гусьми играетъ;
Двухъ молодцовъ гукаетъ:
— Вы, молодчики мои!
Вы ходите ко мнѣ.
А скажите дѣвчинѣ,
Что въ бѣленькой рубчинѣ:
Пусть меня не ждетъ,
И пусть замужъ идетъ.
Скоро дѣвка зачула,
Въ зеленъ садъ скочила:
Выкопала корень
Изъ-подъ бѣлаго камня;
Перемыла на рѣкѣ,
Высушила на рукѣ,
А сварила въ молокѣ.
Еще корень не вскипѣлъ,
А уже писарь прилетѣлъ.
— А зачѣмъ ты прилетѣлъ,
А ты жъ меня не хотѣлъ?
А что̀ тебя принесло:
Челнокъ или весло?
— Не весло меня несло;
Принесъ меня сѣрый конь,

А къ дѣвчинѣ въ покòй.
О дѣвчина ты моя!
А любишь ли ты меня?
А пойдешь ли за меня?
— И любить не люблю,
И отказать не могу.

—

ОБРЯДНЫЯ

СВАТЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Браки совершаются независимо отъ согласія жениха и невѣсты: выборъ той или другаго вполнѣ предоставленъ родителямъ. Мужчина, въ этомъ случаѣ, остается, кажется, совершенно равнодушнымъ; ибо, посредствомъ женитьбы, онъ беретъ въ домъ скорѣе работницу для всей семьи, нежели жену для себя. Таковъ взглядъ на брачные союзы у простаго народа; — и женитьба по любви, внѣ хозяйственнаго расчета, дѣло рѣдкое.

Въ сва̀ты отправляются обыкновенно вечеромъ. Сватами бываютъ какъ родственники, такъ равно и посторонніе; иногда даже отецъ жениха, въ сопровожденіи другаго лица, отправляется для подобныхъ переговоровъ къ родителямъ избранной имъ дѣвушки. Принарядившись, съ бик-

лагой горѣлки, съ пирогомъ да деньгами, — они подходятъ къ окну дома дѣвушкина; сказавъ· «добры вечеръ!» и получивъ въ отвѣтъ «здорово»!—входятъ въ избу. Если въ это время дѣвушка дома, то она уходитъ. Сваты открываютъ переговоры объявленіемъ: что они пришли не гулять, а сватать—дѣвку. Имъ отвѣчаютъ сообразно съ семейными обстоятельствами: отказываютъ или соглашаются; въ послѣднемъ случаѣ, хотя для виду, посылаютъ узнать мнѣніе невѣсты. По доброй волѣ, или принужденная, она дѣлаетъ предложеніе «*пить водку*»; отсюда названіе заручинъ *запоинами*. Если сватьба, по какимъ-нибудь причинамъ, не состоится; то родители невѣсты возвращаютъ сватамъ издержки, сдѣланныя ими на покупку водки и прочаго.

По полученіи удовлетворительнаго отвѣта со стороны невѣсты, собираются къ ней дѣвушки, наряжаютъ ее въ лучшее платье, расплетаютъ косу, которая уже и остается расплетенною до самаго дня вѣнчанія, — и съ пѣснями приводятъ въ домъ родителей ея. Здѣсь у дверей стоитъ мать, вся въ слезахъ; невѣста, падая къ ногамъ ея, проситъ благословенія; вставъ, крестится и кладетъ земные поклоны предъ иконами. Потомъ съ низкими поклонами подходитъ къ сватамъ, которые дарятъ ее пирогомъ и деньгами, и предлагаютъ *спытать* горѣлки. Пирогъ раздѣляется между подругами, въ сопровожденіи которыхъ невѣста выходитъ изъ избы. Еще нѣкоторое время продолжаются пѣсни и пляски подъ звуки скрипки, и наконецъ всѣ расходятся по домамъ; этимъ и оканчиваются заручины.

Отъ заручинъ до сватьбы невѣста и женихъ не видятся съ собою, а если случайно и встрѣчаются, то расходятся, какъ-будто незнакомые, даже и не взглянувъ другъ на друга.

За нѣсколько дней до свадьбы, невѣста приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ; утромъ же въ день вѣнчанія, она отправляется на кладбище. Тамъ, на могилахъ умершихъ предковъ и родственниковъ, она молится, плачетъ и зоветъ ихъ къ себѣ на *веселье* (сватьбу). Если она сирота, то, взывая къ покойнымъ родителямъ, проситъ благословенія и покровительства ихъ въ новой, ей предстоящей жизни.

Ни къ заручинамъ, ни къ вѣнцу дѣвушку не одѣваютъ въ домѣ родителей: для этого избирается ближайшій домъ сосѣдній. При этомъ имѣются въ виду два условія: а) домъ не долженъ находиться на противуположной сторонѣ улицы, и б) чтобы лицо, идущей въ него невѣсты было обращено къ востоку.

Невѣсту сажаютъ на *дежѣ*, покрытой кожухомъ, вывороченнымъ наизнанку; зачесываютъ вверхъ волоса, и связавъ ихъ на маковкѣ головы, сплетаютъ двѣ косы; на голову вдѣваютъ родъ клобука безъ дна, изъ толстой бумаги, покрытаго *касникáми* (лентами), съ длинными, назади висящими концами. *Андаракъ* (родъ сарафана) часто изъ синяго сукна съ краснымъ корсажемъ, бѣлый фартукъ,

сапоги или башмаки, кожухъ или свита, смотря по времени года, — составляютъ подвѣнечное убранство невѣсты.

Женихъ, въ сопровожденіи *подженишника*, верхомъ на лошади, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Входитъ въ избу, и поклонившись низко каждому изъ присутствующихъ, подаетъ по колачу будущему тестю, тёщѣ и прочимъ. Посадивъ жениха на почетное мѣсто, сваты отправляются за невѣстой.

Невѣста, сопровождаемая пѣснями, съ громкимъ плачемъ входитъ въ сѣни, и останавливается у порога. Сваты, находящіеся въ главѣ шествія, просятъ отца и мать благословить *княгиню молодую* войти въ хату. Послѣ отвѣта, трижды повтореннаго: «*Богъ благословитъ!*» сваты входятъ первые, а за ними невѣста, которая, обнимая колѣна родителей, *голоситъ* громко, какъ на похоронахъ. Не голосить и казаться покойною считается предосудительнымъ во мнѣніи простаго народа.

Женихъ встаетъ при появленіи невѣсты, и напившись изъ поднесеннаго ему сватомъ ковша съ водой, бросаетъ въ него деньги, и черезъ столъ передаетъ его невѣстѣ. Она также *спытываетъ* воду, деньги беретъ себѣ, а воду выливаетъ подъ столъ, жениху на ноги.

По предложенію свата, мать благословляетъ молодыхъ князя и княгиню «*сѣсть на посадъ*», т. е. на почет-

номъ мѣстѣ, гдѣ разстилаютъ кожухъ, и садятъ невѣсту возлѣ жениха съ лѣвой стороны. Это сближеніе называется *суґляды*.

По прошествіи нѣкотораго времени, въ продолженіе котораго молодые сидятъ одинъ возлѣ другаго въ безмолвіи, съ опущенными головами, а невѣста даже повернувшись спиной къ жениху,—когда уже все готово къ отъѣзду въ церковь, — сватъ снова приглашаетъ мать благословить невѣсту молодую, *расплести косу и повезти къ вѣнцу*. Для расплетенія косы вызываютъ холостаго брата невѣсты, или кого-нибудь другаго изъ родственниковъ ея, впрочемъ для виду только; косу же расплетаютъ *дружки*. Расплетенные волоса висятъ длинными прядями и закрываютъ лицо. Во-время этого обряда невѣста горько плачетъ: уже въ послѣдній разъ коса ея была заплетена; въ послѣдній разъ и волоса непокрыты; завтра длинная наметка обовьетъ ея голову, и навсегда скроетъ лучшее ея дѣвичье украшеніе! Невѣста встаетъ изъ-за стола, за нею женихъ, и низко кланяясь всѣмъ и каждому, выходятъ изъ избы. Подаютъ *калесы* (телѣги); на первыя садится женихъ, на вторыя невѣста.

Послѣ вѣнчанія, новобрачные отправляются сперва въ господскій дворъ—поклониться господамъ, потомъ въ домъ родителей невѣсты. Здѣсь ихъ встрѣчаетъ мать ея, и въ сопровожденіи двухъ дружекъ и подженишника, уводитъ въ комору обѣдать; прочіе гости обѣдаютъ въ избѣ, за общимъ столомъ.

Мать сама угощаетъ новобрачныхъ. Каждое блюдо она подаетъ накрытымъ другимъ сосудомъ, на которомъ кладется калачъ. Послѣ обѣда, свата дарятъ чѣмъ-нибудь, и женихъ уходитъ съ нимъ къ себѣ домой, гдѣ въ это время собираются замужнія женщины для важнаго дѣла: печенія *коровая*, — существенной принадлежности свадебнаго обряда.

Отъ обѣда до пріѣзда жениха за невѣстой — замужнія женщины веселятся у жениха; а дѣвушки у невѣсты, которая, передъ пріѣздомъ жениха, ставитъ ихъ по-парно въ сѣняхъ, и сама впереди, входитъ съ ними въ избу, кланяется каждому и садится *на кутѣ* (почетное мѣсто — уголъ передній).

Дружко подходитъ къ столу, и взявъ тарелку, покрытую полотномъ, приглашаетъ присутствующихъ дарить невѣсту, начиная съ матери: «Эй! якъ ёсь тутъ матка родная! чымъ подаришь княгиню молодую: ци конемъ, ци воломъ, ци хлѣбомъ–солью, ци добрымъ словомъ?» Въ это же самое время, въ домѣ жениха также просятъ на подковки князю молодому. Послѣ этого онъ отправляется верхомъ на дворъ къ невѣстѣ, предшествуемый сватомъ, украшеннымъ бѣлою перевязью черезъ плечо и везущимъ коровай, на вѣкѣ отъ дежи. Жениха встрѣчаетъ тещъ, одѣтая въ кожухъ, наизнанку, и подаетъ ему ковшъ съ водою; тотъ же, напившись, бросаетъ ковшъ назадъ черезъ голову, сходитъ съ лошади, кланяется тещѣ, и подаетъ ей пирогъ. Изъ избы

выходитъ къ нему дружко съ хлѣбомъ-солью, подходитъ къ свату, держащему коровай, и каждый изъ нихъ, поднимая свое, говоритъ: «наше выше, наше выше!» Вслѣдъ за этимъ выводятъ невѣсту, также одѣтую въ кожухъ напзнанку. Въ это время женщины, сопровождающія молодаго, поютъ:

Нашъ суженька сыръ налитый,
А ваша дѣвочка мѣхъ надутый!

Соединяютъ руки молодыхъ, трижды оборачиваютъ ихъ вмѣстѣ, вводятъ въ избу, поздравляютъ и усаживаютъ за столъ. Послѣ угощенія, предъ вывозомъ невѣсты, съ нея снимаютъ красныя каснпки, и вмѣсто ихъ, подаютъ черную барашковую шапку, которую, дважды бросивъ на полъ, она наконецъ надѣваетъ. Теперь начинается прощаніе невѣсты: слезы, поклоны, обниманія, благословенія.... продолжаются довольно долго, потому-что она кланяется каждому, и прощается даже съ маленькими дѣтьми.

По окончаніи этого грустнаго обряда, выводятъ новобрачныхъ, усаживаютъ вмѣстѣ на однѣ колесы и покрываютъ кожухомъ, всегда напзнанку. Молодая, выѣзжая изъ воротъ отцовскаго дома, бросаетъ назадъ, черезъ голову, пирогъ; желая, вѣроятно, изъявить этимъ, что она навсегда сохранитъ память, и доброе расположеніе къ дому, который теперь оставляетъ. Въѣзжая же въ ворота дома своего мужа, она также бросаетъ пирогъ, но уже впередъ, а не

назадъ, чрезъ голову какъ прежде. Въ воротахъ кладутъ зажженный куль соломы: новобрачные должны проѣхать сквозь огонь. Ихъ встрѣчаетъ мать жениха, закутанная въ кожухъ: она подаетъ руку своей невѣсткѣ, которая съ колесъ ступаетъ на дежу, съ дежи на холстъ, по которому входитъ въ избу. Здѣсь снимаютъ съ нея шапку, и повязываютъ голову намѣткой. Вслѣдъ за невѣстой привозятъ и приданое ея, сложенное въ кублѣ.

На другой день молодой отправляется къ родителямъ своей жены съ просьбою придти *дѣлить коровай*, который и раздается всѣмъ присутствующимъ. При этомъ также дарятъ новобрачныхъ.

Послѣ раздѣленія коровая, новобрачныхъ подводятъ къ колодезю и обливаютъ ноги ихъ водою. Судна беретъ сперва молодой и самъ передаетъ ихъ женѣ. Она приноситъ воду въ избу, вливаетъ немного на руки свекру и свекрухѣ, и подавъ имъ полотенце, выливаетъ остальную на скамью и вытираетъ ее: — этимъ начинаются занятія ея въ новомъ семействѣ. Первый хлѣбъ изъ новой ржи предоставляется печь молодой невѣсткѣ: приготовивъ тѣсто, она кладетъ на вѣко дежи пирогъ и деньги. Идя въ первый разъ за водой, она оставляетъ на колодезѣ тоже пирогъ и деньги.

I.

ЗАРУЧИНСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Нате вамъ, сватове,
Недопитую чарочку;
Нате вамъ, сватове,
Недорощенную дѣвочку!
Возьмите её, ростите её,
Недорощенную дѣвочку;
Возьмите ее, допейте её,
Золотую чарочку!

2.

Жаль же мнѣ, моя матушка, на тебя,
Что остается моя руточка вся у тебя.
Вставай, моя матушка, раненько,
Поливай мою руточку частенько.
Не поливай моей руточки водой,
А поливай мою руточку сытой;
Отъ воды моя руточка блѣднѣетъ,
Отъ сыты моя руточка ядренѣетъ!

И ранними, и вечерними зарями,
Всё своими дробными слезами!

3.

Еслибъ же я вѣдала близкіе заручинки,
Я бъ и тынъ проломила,
Товару бъ (*) напустила:
Пусть бы топталъ мою руту, мяту,
Пусть бы не оставалась
Батюшкѣ на жалость,
Матушкѣ на слезочки,
Сестрицамъ на покрасы!

4.

Выйду я на ганочки,
Гляну я на красочки:
Зьяютъ мои краски, зьяютъ!
Такъ что сердце вянетъ!
Зьяйте, мой краски, зьяйте!
Мнѣ жъ васъ не щипати,
Мнѣ жъ изъ васъ вѣночковъ не свивати;
Одинъ, было, свила —

(*) Товаръ—домашній, преимущественно, рогатый скотъ.

И тотъ не сносила!
Сестра повѣсила
Въ теремѣ, въ куточкѣ,
На золотомъ пруточкѣ.
Вися же, вѣнчикъ, вися!
Для меньшей сестры,
Для русой косы.
Пусть сестра тебя носитъ,
Да за меня Бога проситъ.

5.

Что-же то за пташечка,
Черная какъ галочка?
Все поле слетала
Крыльцемъ не взмахнула,
Перца̀ не уронила?
Еслибъ уронила —
Все бы поле укрыла!
Что же то за дѣвочка,
Весь вечеръ сидѣла,
Головки не склонила,
Слёзочки не уронила?
А когда-бъ же склонила,
А когда-бъ же уронила,
Весь бы родъ разжалила:

И старо̀го, и мало̀го,
И отца роднаго!

6.

Куковала зязюля на стрехѣ,
Плакала дѣвочка по косѣ.
— О коспца моя русая,
Отрада моя легкая!
Я дворъ перейду — разчешу,
Въ сѣни войду — заплету,
Въ пзбу войду — закладу,
За столъ сяду — запла̀чу,
Что русую косо̀чку утрачу!
Не лучше ли косѣ въ ланцугѣ,
Нежели въ пасканномъ матузѣ?
Пасканной матузъ — косу третъ,
Рубковая наметка — слёзки льетъ!

7.

Куковала зязюля на лугу, приговаривая къ березѣ:
А будутъ березѣ морозы, а съ тихинькими вѣтрами!
Плакала N, въ коморѣ, прилегая къ матери:
А будутъ, матушка, гости къ намъ, будутъ просить
меня у васъ.

Дай Боже! добрый часъ,
Какъ поѣдешь ты отъ насъ!

8.

Батюшка говорилъ дочкѣ: не отдамъ!
Начто же пиво варишь,
И горѣлочку гонишь,
Ты ли меня отдать хочешь?
Дѣвочка, дитятко!
Молодой разумъ имѣешь,
Ничего не знаешь:
Мой дворъ при дорогѣ —
У меня гость при порогѣ,
Купчики заѣзжаютъ,
Товару пытаютъ;
Товару дорогаго,
Дитяти молодаго.

9.

Красная дѣвочка!
Звала–ли свою матушку
Къ себѣ на заручины?
— Дивные вы люди!
Какъ же я буду звати;

А ужё жъ моя мати
За трима замками:
Первый замочекъ —
Зеленый дерночекъ,
Второй замочекъ —
Желтинькій песочекъ,
Третій замочекъ —
Гробовыя доски,
Стиснули моей матери
Ручки и ножки.
И рада–бъ встати
И къ своему дитяти!

10.

N заручоночка! перейди сѣни новыя,
Дай батюшкѣ водицы
Изъ студёной крыницы.
— А моя водица дорога
Дороже меду и вина.
Я же тебѣ, батюшка, не слуга:
Слугой буду свекоркѣ
Вѣрницей служенькѣ.

11.

Корыся, дѣвочка, корыся,
Сосѣдямъ низко уклонися!

Пускай сосѣди не злуютъ,
Счастье долю даруютъ:
Великимъ даромъ — посадомъ,
Великою дарою — долею.

12.

Разгорѣлася калина, передъ горою стоючи,
Дробныя искры ронючи.
Тушилъ вѣтрикъ — не утушилъ,
По горамъ искры разносилъ:
Я тебя калина не утушу
А утушитъ тебя дробенъ дождь!
Расплакалася дѣвочка, передъ отцомъ стоючи.
Дробныя слезы ронючи.
Унималъ отецъ — не унялъ,
Большей жалости ей задалъ.
Я же тебя N, не униму,
Больше жалости тебѣ задаю.
Унметъ тебя ногайка,
Утретъ слёзки утпральникъ!

13.

По загорьейку синія краски спнятся,
По застольйку пышные бояре садятся.

На всѣхъ рубашечки бѣлѣнькія.
На нашемъ же суженькѣ вся шелкомъ шитая.
А кто тебѣ эту рубаху вышивалъ?
Моя матушка всю ночку не спала,
Мнѣ молодому всё рубаху вышивала;
Темной ночью — къ ясной свѣчѣ сѣдючи,
А днемъ — къ ясному солнцу глѣдючи.

14.

Хвалилась калина своимъ ростомъ великимъ:
Никто меня тутъ не достанетъ безъ востраго меча.
Обозвался морозъ: не хвались калина!
Я тебя достану безъ востраго меча,
Я вѣтви осушу и листья обтерушу,
Я тебя достану безъ востраго меча!
Хвалилась N своимъ родомъ великимъ:
Никто меня не вывезетъ изъ великаго рода.
Обозвался суженька: я тебя вывезу изъ великаго рода:
Я родъ племя упою,
Твоего отца упрошу,
И вывезу тебя изъ великаго рода!

15.

Не забывай суженька,
Что отецъ говорилъ:

А не выѣзжай въ полѣ безъ стрѣлки
Постоишь у стѣнки безъ дѣвки!
Хотя жъ я постою годину —
То выведутъ ко мнѣ челядину;
Хотя жъ и постою другую —
То выведутъ ко мнѣ молодую;
Хоть же я постою третію —
То выведутъ ко мнѣ вѣчную.

16.

Знаешь ли N, что у васъ люди ночуютъ,
Тебя молодую торгуютъ?
Тебя отецъ продаетъ,
Ни шелега не беретъ;
Только беретъ чару золотую
За тебя молодую.
Милѣе отцу чара золотая,
Нежели ты молодая.

17.

Жалуйся дѣвочка на свой родъ,
Что не держалъ тебя еще съ годъ,
Хоть не съ годъ, хотя бъ лѣтичко —

Научилась бы ты дѣличку;
Хоть не лѣтичко, хотя бъ зимочку —
Собрала бъ ты себѣ силочку
На свекрову нивочку,

18.

Отъ пивницы до свѣтлицы
Черная стежка убита.
Кто жъ ту стежку топталъ,
Кто жъ ту стежку убивалъ?
А убивала, топтала
Красная дѣвочка,
Мёдъ-вино носючи
Гостей поючи
«Пейте, мои гости, пейте,
Только меня не берите:
Я у матушки одна
Какъ вишенька въ саду,
Какъ пчелочка въ меду».

19.

А въ недѣлю рано
Дѣвочка сонъ видѣла,

Сестрицѣ говорила:
— Дивный сонъ я видѣла:
Что на нашихъ воротахъ
Ясенъ соколъ сидитъ
И на меня пристально глядитъ
Изъ-подъ праваго крыльца,
Изъ-подъ золотаго перца».
— Сестрица! не есть то ясенъ соколъ,
А молодой суженька:
Онъ на коникѣ сидитъ,
На тебя только глядитъ
Изъ подъ правой руки,
Изъ подъ золотаго перстня.

20.

Ой сѣньми, да сѣньми,
Въ зелененькомъ зельѣ —
Тамъ уточка ходитъ,
За нею селезенька
Въ слѣды ступаетъ,
Уточку пытаетъ:
— Да ты, уточка моя!
Полетишь ли со мною
Да на синее море?

— Сизый селезенька!
Рада бъ я съ тобой полетѣть,
Жаль саду покинуть:
Нѣтъ въ саду птички
Ни малой, ни великой
Ни такой, какъ я была.

* *
*

Ой сѣньми, да сѣньми,
Въ зелененькомъ зельѣ,
Тамъ дѣвочка ходила,
За нею суженька
Вслѣдъ ступалъ,
У дѣвочки пыталъ:
— Ты, дѣвочка моя!
Поѣдишь ли со мною
Къ моему батюшкѣ?
У моего батюшки:
Дворъ мощеный,
Свѣтлицы новыя,
Залвицы весёлыя.
— Рада бъ я поѣхать —
Жаль отца покинуть:
Нѣтъ у отца слуги
Ни малой, ни великой,
Ни такой, какъ я была.

21.

Тамъ на морѣ,
На синемъ озерѣ,
Молодой суженька
На лебедочекъ стрѣляетъ,
Да изъ подъ-правой руки
На дѣвочку взираетъ.
Какъ ни гляди
А дѣвочка удалася:
Что кованъ поясъ
Въ щире злато влилася,
Пустила косу
По кована поясу.
«Пусть моя коса
Въ полѣ съ вѣтрами играетъ,
Пусть мой батюшка
По моей косѣ вздыхаетъ;
Пусть же коса
Въ полѣ съ вѣтрами лелѣетъ
Пусть же батюшка
По моей косѣ жалѣетъ».

22.

Ходила козочка по горѣ
Увидѣлъ ее волчище съ долины:

Хошь ходи, козочка, не ходи
Быть тебѣ, козочка, съѣденной!
А валяться рогамъ
По логàмъ,
А бѣленькимъ ножкамъ
По обложкамъ,
А скорому хвосту
Въ кусту.
Ходила дѣвочка по двору
Увидѣлъ ее суженька на конѣ.
Хошь ходи, дѣвочка, не ходи
Быть тебѣ, дѣвочка, свезенной!
А валяться уплетамъ
Подъ плотомъ,
А бѣлому платку
Въ куту,
А золотымъ перстнямъ
По кубламъ!

23.

Что ты, кукушка, летаешь, недбаешь
Зачѣмъ себѣ птичекъ не собираешь,
Зачѣмъ себѣ гнѣздичка не свиваешь?
Собрала было птичекъ,

Свила было гнѣздичко;
А демся взялся горностай
Ножками гнѣздичко раскидалъ,
И сѣрую кукушку къ себѣ взялъ.
Что̀ ты, красна дѣвочка!
Что̀ ты гуляешь, не дбаешь;
Зачѣмъ себѣ дѣвочекъ не собираешь,
Зачѣмъ себѣ вѣночка не свиваешь?
«Собрала было дѣвочекъ,
Свила было вѣночекъ,
Пошла было въ таночекъ —
А демся взялся суженька:
Коникомъ таночекъ разогналъ,
Ручками вѣночекъ разобралъ,
И меня съ собою взялъ!»

24.

Переманочка уточка!
Переманила селезня
Съ чужаго озера на свое!
Не я его манила,
Самъ онъ ко мнѣ прилетѣлъ.
Да за что меня онъ сподобалъ?
За мое ли сизое перо?
За золотое ли крыло?

Перепрошечка дѣвочка!
Перепроспла суженьку
Съ чужой улочки на свою!
Самъ онъ ко мнѣ пріѣхалъ.
Да за что онъ меня сподобалъ:
За мои ли бѣлыя умыванья?
За мое ли гладкое чесанье?
За мои ли тихія походы?
За низкія ли уклоны?

25

Сѣни мои, сѣни новыя!
Да за чѣмъ вы не весёлыя?
Какъ же намъ весёлымъ быть!
Сиротка замужъ идетъ:
Не батюшка отдаетъ,
Не матушка кубелъ кладетъ;
Отдаетъ чужая чужина,
Не своя родина.

26.

Переборъ, мѣсячекъ, переборъ!
Всѣхъ зорочекъ перебралъ,

Одну себѣ зорочку сподобалъ:
Хотя она и маленька,
Да ясненька,
Межъ всѣхъ зорокъ значненька.

Переборъ, суженька, переборъ!
Всѣхъ дѣвочекъ перебралъ,
Одну себѣ сподобалъ:
Хотя она и маленька,
Да красненька,
Межъ всѣхъ дѣвочекъ значненька.

27.

Неправдивая калина говорила:
Цвѣсти не буду,
Бѣлаго цвѣта не пущу,
Червоныхъ ягодъ не урожу!

Какъ пришла весна — зацвѣла,
Бѣлый цвѣтокъ пустила,
Червоныя ягодки уродила.

Неправдивая дѣвочка говорила:
Замужъ не пойду,
Молодаго суженьку не слюблю!

Какъ пришла пора — такъ и пошла!
Молодаго суженьку слюбила!

А не дивитись дѣвочки:
Въ тѣсной улицѣ гуляли
Одинъ другаго сподобали.

28.

Бѣгли коники лугомъ,
За ними дѣвочки берегомъ.
Куда вы, коники, бѣгите?
Кому вы разлуку несете?
А бѣгимъ мы, дѣвочка, къ тебѣ,
Несемъ разлуку, мы тебѣ:
Разлучимъ тебя съ батюшкомъ,
А прилучимъ тебя къ свекоркѣ;
Прилучимъ тебя къ свекоркѣ,
Не къ родному батюшкѣ.

29.

Быстра рѣчка и безъ береговъ,
А еслибъ рѣчкѣ да берега —
Не было бъ быстрѣе ея!
Пышна дѣвочка и безъ батюшки,

А если бъ дѣвочкѣ да батюшка
Не было бъ пышнѣе ея!

II.

ПѢСНИ ПОДВѢНЕЧНЫЯ

30.

Къ вѣнцу, N, къ вѣнцу!
Я ли тебя, батюшка, не любила?
Я ли тебѣ постельки не слала?
Я ли тебя батюшкой не звала?
Слала постельку мякинько,
Звала батюшкой вѣрнинька.

31.

Дромливо поле, дромливо,
На ягодки уродило.
Пошла дѣвочка ягоды брать;

Беручи ягодки уснула.
Наѣхалъ суженька — не чула.
Махнулъ хустой — не домахнулъ,
Покатилъ перстенькомъ — не докатилъ;
Ссѣвши съ коника — самъ побудилъ.
— Вставай дѣвочка — давно спишь;
Много ли тебѣ надобно?
«Сорокъ сороковъ рушниковъ,
Пятьдесятъ локоть наметокъ;
Опричь той дробницы,
Чѣмъ даровати залвицу.

32.

Мы же тебѣ говорили,
Твоему сердечку наровили:
Не ходить было въ вишневъ садъ,
Не щипать было вишень,
Не класти было въ карманы,
Не носити было на улку,
Не давати было залвицамъ
Все суженькинымъ сестрицамъ.
Тѣ тебя вышеньки женили,
Съ батькова подворья ссадили!

33.

Ѣхала дѣвочка ко вѣнцу.
Сломила березу сверху.
— Стой, моя березка, безъ верху!
Живи, мой батюшка, безъ меня!
Безъ верху березка усыхаетъ,
Безъ меня мой батюшка вздыхаетъ.
Трудно березкѣ безъ верху —
Трудно моему батюшка безъ меня!

34.

Елка, сосонка, зиму, лѣто зелена,
Наша дѣвочка что у Бога денекъ весела;
А въ субботу вѣночекъ вила грустненька.
А въ недѣлю на посадъ пошла — плакала.

* *
*

Въ недѣлю рано синее море играло,
Дѣвочка потопала и помощь гукала:
Спаси меня мой батюшка!

— О дѣвочка, дитятко! радъ бы спасать —
Ни челна, ни весла
Всё хвиля унесла
На крутые бережечки,
На желтые песочки.

* * *

Дрогнуло море, дрогнуло!
Тамъ наша дѣвочка тонула
Ее отецъ спасаетъ:
А подай, дѣвочка, ручку мнѣ!
— Не подамъ, батюшка, не подамъ!
Пусть же я тутъ загину!
Не остануся никому:
Ни тебѣ, отцу родному,
Ни тому суженькѣ молодому!

35.

Стояла дѣвочка подъ вѣнцомъ,
Чесала головку гребенцомъ,
Кинула гребенецъ
Подъ вѣнецъ —
А подай, суженька, гребенецъ!

Я тебѣ, дѣвочка, да не молодецъ.
Не стану подавать тебѣ гребенецъ.
Есть у тебя служечки — дружечки,
Они тебѣ гребенецъ подадутъ
Они тебя подъ вѣнецъ подведутъ.

36.

А въ новомъ городѣ
Ничего не родитъ:
Только зародила
Червона калина;
П за тою, за водою —
За быстрою рѣкою
Нельзя сносылати,
Калины ноломати.

Дѣвушка у батюшки
Досужая была —
П Дунай переплыла,
Калины наломала:
Себѣ на вѣночекъ,
Суженькѣ — на цвѣточекъ:
Себѣ — за бумажечку,
А суженькѣ — за магерочку.

37.

(Когда невѣсту садятъ на почетное мѣсто).

Летѣли гусочки черезъ дворъ,
Кликнули дѣвочку на посадъ.
Что вамъ, гусочки, до этого!
Есть у меня батюшка для этого.
Постелитъ ковры — я пойду,
Благословитъ сѣсти — я сяду:
На золотомъ креслечкѣ,
На счастливомъ мѣстечкѣ.
Счастливое мѣсто — на кутѣ,
Золотъ перстень на рукѣ!

38.

(Молодыхъ везутъ къ вѣнцу).

Дѣвочка къ вѣнцу ѣдетъ,
Доля ея впереди бѣжитъ.
О доля моя, доля!
Коли ты добрая

Садись со мной;
Садись со мной
Поѣдемъ съ тобой.
А коли же ты худая —
Плыви вслѣдъ за водою,
За быстрою рѣкою.

III.

ПОСЛѢ ВѢНЦА.

39.

Охъ, матушка моя!
Ужё жъ я не твоя!
А какого то пана,
Съ которымъ вѣнецъ брала,
Вѣрно присягала,
Ему ручку подавала
Перстеньки обмѣняла!

40.

Дѣвочкина мать
У конца стола стоитъ,

На дѣвочекъ глядитъ:
— Всѣ дѣвочки, какъ дѣвочки;
А на моемъ дитятѣ
Бѣлая илга (*) пала
Со всего свѣту
Съ макова цвѣту!

41.

Сидѣла дѣвочка за столомъ
Положила ручки на столѣ:
Бѣлы мои ручечки у батюшки,
А будутъ ли бѣлы у свекорки:
Ячмень — шестерень толкучи,
Сырую пшеницу мелючи?
А зачулъ же то суженька:
Не журися дѣвочка, дѣвочка!
Ячмень — шестерень самъ столку
Сырую пшеницу въ прудъ пошлю.
Мы съ тобой, дѣвочка, жить будемъ,
И это забудемъ.

(*) Илга — блѣдность.

42.

Съ горы, съ горы, съ долины
Бѣгли коники четыре,
Везли карету синюю,
Свѣнчали дѣвочку силою;
Хоть не силою — за гроши,
Что ея суженька хорошій!
А не къ торгу безъ гроши,
А не съ торгу безъ пироговъ;
Къ торгу ѣдутъ съ грошами,
А съ торгу ѣдутъ съ пирогами.

IV.

КОГДА ПЕКУТЪ КОРОВАЙ.

43.

Летѣли птички изъ раю,
Пытался у коровая:
Ужё ли коровай учиняли?
Зачѣмъ насъ птичекъ не ждали?
Мы къ тому часу прибыли,
Счастье, дололю принесли

Счастливую годину
Нашему суженькѣ — челядину.

44.

Никто не угодалъ,
Что въ нашемъ короваѣ
А семи прудовъ мука
А семи крыницъ вода
И ящикъ масла,
И яицъ полтораста!

45.

Коли мы коровай мѣсили,
Тогда мы роди́ны не просили;
А будемъ коровай дѣлить,
Будемъ мы роди́ну просить.

V.

ПЕРЕДЪ ПРІѢЗДОМЪ ЖЕНИХА.

46.

Сборна, сборна суббота,
А еще сборнѣй недѣля.

Дѣвочка дружечекъ собирала —
Изъ села брала селянокъ
А изъ города — мѣщанокъ;
Изъ панскаго двора — паненокъ.
Посажала высоко,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Задумала думочку горше всѣхъ:
— Какъ мнѣ къ свекоркѣ пристати,
Свекорку батюшкой назвати?
Листомъ по двору постелю,
Свекорку батюшкомъ назову.
Тѣмъ я лиха не буду,
Я же себѣ добрости добуду!

47.

За сѣньми, сѣньми зеленъ садъ.
Никто въ саду не бывалъ
Бывало топтала дѣвочка —
Червону розу садила,
Боровые васильки сѣяла,
Гибкія лавочки мостила,
Веселыхъ дружечекъ садила.
Наѣхалъ суженька въ семьдесятъ:
Пустилъ коника въ вишневъ садъ,

Червону розу пощипалъ,
Боровые васильки потопталъ,
Гибкія лавочки поломалъ,
Веселыхъ дружечекъ разогналъ,
Красную дѣвочку къ себѣ взялъ.

VI.

ЖЕНИХЪ ѢДЕТЪ ЗА НЕВѢСТОЙ.

48.

Не гусли гудутъ на морѣ,
Не пѣсни поютъ въ коморѣ,
Плачетъ, плачетъ молодъ N.
— На что меня малаго женили!
Я въ этомъ дѣлѣ не бывалъ,
Я въ эту дорогу не ѣзжалъ,
Я такихъ шутокъ не видалъ.
А зачулъ же то батюшка:
— Не журися, молодъ N!
Я жъ тебя одного не пошлю;
Пошлю я тебя съ дружиной,
Со всею своей родйной.

49.

Бѣгутъ бѣгутъ вороные кони къ водѣ.
Шумятъ, шумятъ шелковые поводы.
А счуйтеся подъ ноги вы, вороные кони!
Будемъ ѣхать четыре мили борами,
А пятую зелеными мостами.
Будемъ спѣшить къ моему тестю на дворъ;
Не застанемъ ли моей дивочки за столомъ.
Хоть застанемъ, хоть не застанемъ,
Мы ее спознаемъ:
У моей дивочки русая коса по плечки,
Дробныя слёзки по личку,
Тёменъ вѣнчикъ на головкѣ,
Золотъ перстень на ручкѣ.

50.

Что̀ горькая рѣдька въ городѣ,
Сердитъ N въ дорогѣ.
Привязалъ коника къ берёзѣ,
А вырѣзалъ березовыя три розги,
Сѣкануль коника подъ ножки.

«Ступай, мой косю, широко,
Ещё жъ моя дѣвочка далеко;
Ступай, мой косю, узенько,
Ужё жъ моя дѣвочка близенько;
Ступай, мой косю стопою,
Ужё жъ моя дѣвочка со мною.»

54.

Между горами дорога лежала,
У воротъ калина стояла.
Туда жъ ѣхалъ молодъ N,
Издалека коня унимая,
Изъ ноженъ саблю вынимая;
Хочетъ ту калину срубить,
Въ долиночку сбросить.
Та ему калина говорила:
«Не сѣчи, не руби меня, N!
Не для тебя калина сажена,
Не для тебя дѣвочка рощена;
Сажена калина да для голубовъ,
Рощена дѣвочка да для молодцовъ!»
«Я жъ эту калину самъ садилъ,
Мнѣ эту дѣвочку Богъ судилъ;
Я жъ эту калину самъ поливалъ,
Мнѣ эту дѣвочку Богъ даровалъ!
Съ воронаго коня не слѣзалъ,
Изъ стремени ногъ не вынималъ,
Покуда эту дѣвочку къ себѣ не взялъ.»

52.

Въ новенькой горницѣ
Суженька съ отцомъ говоритъ:
Ой! порадь, порадь мой батюшка!
Много ли сватовъ садить?
Сади, N, немного,
Тебѣ Господь Богъ помога!
Ой вóколо чужину,
А посединѣ родину:
Чужина будетъ смѣяться!
Родина будетъ утѣшаться.

53.

Летѣлъ соловей мимо саду,
Спрашивалъ у кукушки: куда въ садъ?
«О! безумна птичка соловей!
Отбрось вѣтку — лѣти въ садъ,
Садись при мнѣ на калинѣ,
Зуби калину со мною;
Полетимъ разомъ съ тобою.»
Ѣхалъ суженька мимо двора,
Спрашивалъ у дѣвочки: куда во дворъ?
«Неразумное дитя, суженька!
Отвори ворота—въѣзжай на дворъ,
Садись при мнѣ *на куту*
Пей мёдъ—вино со мною,
Поѣдемъ разомъ съ тобою!»

54.

Въ воскресенье раненько
Ѣхалъ суженька пьяненькой;
Хмѣль ему головку разобралъ,
Конь ему шубочку разодралъ
Зажурился суженька
По собольей шубочкѣ.
А загула то дѣвочка:
«Не журись суженька!
Есть у моего баюшки комора,
А въ той коморѣ семь соболей и куна,
Сошьемъ шубочку какъ была,
Бобромъ обложимъ,
И на тебя, молодаго, возложимъ».

55.

Тѣсныя улочки, тѣсныя!
Наѣхали бояре пышные,
На нихъ шапочки лисія;
На нашемъ суженькѣ соболья.
Повѣяли вѣтрики со взгорья,
Сбросили шапочку соболью.
«О бояре, мои бояре!
Просилъ мой батюшка
Прошу и я:
Подайте шапочку соболью.

Еслибъ моя дѣвочка тутъ была,
Она бъ моего коника уняла,
Соболью бъ шапочку подала!»

59.

Ѣхалъ суженька ночью,
Зачулъ дѣвочку плачущу.
«О, не жаль коника, что бѣжитъ,
Какъ жаль дивочки, что плачетъ!
Пусть же бѣжитъ до поту,
Пусть же плачетъ *вохоту*;
Пусть же бѣжитъ потѣя,
Этого она мо́лода хотѣла!»

VII.

ЖЕНИХЪ НА ДВОРѢ ТЕСТЯ.

60.

Взъѣхалъ N на дворъ
Въ семьдесятъ коней;
Нагаечкой ляснулъ,
На коника свиснулъ,
На дѣвочку гуну́лъ:
«Ты, дѣвочка моя!

Сама ли ты ко мнѣ выйдешь?
Матушку ли ко мнѣ вышлешь?»
«Погоди, суженька, погоди годиночку:
Сберу всю свою родиночку,
И сама приберуся,
Всему роду поклонюся.»

61.

А выведите намъ нашу,
Нашу покрасу:
А пусть же намъ наша
Да передъ нами пляшетъ,
А чтобы намъ знати
За кѣмъ намъ гуляти!

VIII.

НЕВѢСТА ВЫХОДИТЪ КЪ ЖЕНИХУ.

62.

А не мы дѣвочку выкликали,
Сама она къ намъ выбѣжала,
А изъ дѣвичьяго хоровода
А къ нашему молодому воеводѣ.
Воеводъ, N, воеводъ!
Разбилъ дѣвичій хороводъ,

Взялъ себѣ дѣвочку на-выборъ;
Хоть не на-выборъ — отцу во дворъ.

IX.

МОЛОДЫЕ ВХОДЯТЪ ВЪ ИЗБУ, ПРЕДШЕСТВУЕМЫЕ ДРУЖКАМИ.

63.

Мы дружка въ со́ромъ введемъ:
Возьмемъ за хохолъ — вонъ поведемъ;
А привяжемъ къ тыну
Дружкову чуприну.
А кто идетъ — пытаетъ:
Дружкова чуприна летаетъ?
А кто ѣдетъ — смѣется —
Дружкова чуприна тресётся?

X.

МОЛОДЫХЪ САДЯТЪ НА ПОЧЕТНОЕ МѢСТО.

64.

Ой рѣчка, рѣчка быстрая!
Вчера бы́ло быстро шла,
А сегодня стала тиханькой!
Ой! дѣвка, дѣвка красная!
Вчера была весела,
А сегодня грустненька!

Какъ же мнѣ, дѣвочки, веселой быть?
Обсѣла меня чужина —
Всё суженькина родина:
А съ лѣваго боку суженька,
А съ праваго — залвицы —
Все суженькины сестрицы!

XI.

ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ МОЛОДЫХЪ

65.

Пойте, дѣвочки, жалостно!
Плачетъ N голосно
По косѣ ли, по красѣ ли,
По матерней ли нѣгѣ?
«А коса моя косою,
И краса моя красою,
Матерней нѣги вѣкъ не забуду,
Покуда и жива буду!»

66.

Какъ тебѣ, солнійко,
Съ зорками разойтись,
Съ мѣсячкомъ разстаться?
По залѣсьейку пойду,
Хмаркой напущуся,

Дождикомъ обольюся;
Съ зорками разойдуся,
Съ мѣсячкомъ разстрѣнуся!
Какъ тебѣ, дѣвочка,
Съ батюшкомъ разойтися,
Съ матушкой разстрѣтися!
По застольейку пойду,
Косками напущуся,
Слезками обольюся;
Съ батюшкомъ разойдуся,
Съ матушкой разстрѣнуся!

67.

Не плачь, матушка, ты проси насъ!
Осмотришься ты безъ насъ:
Пойдешь въ избу — дочки нѣтъ,
А войдешь въ клѣть — кубла нѣтъ,
Выйдешь за вороты — только слѣдъ!
Слежена дорога, слежена!
Ужё жъ мое дитятко увезено!
Слежена дорога въ щирый боръ —
Увезено мое дитятко къ свекру въ дворъ!

68.

Мѣсяцъ дорогу освѣтилъ —
Братъ сестрицу проводилъ,
Проводивши говорилъ:

Эта тебѣ, сестрица, доро́га!
Живи у свекора здорова,
Будь здорова — какъ вода,
Будь богата — какъ земля,
Будь привѣтна — какъ лѣто!
Не правда твоя, братецъ!
Не правдивое словечко твое:
Вода здорова — зимою,
Земля богата — пахатою,
А лѣто привѣтно съ теплымъ днемъ!

69.

Не жалостлива дѣвочка!
Не разжалила батюшку!
Когда я захочу — разжа̀лю:
Выплету уплётъ изъ русыхъ косъ,
Повѣшу уплетъ на приклетъ;
Будетъ мой батюшка въ клѣть итти,
А въ клѣть идучи увидитъ,
А изъ клѣти идучи заплачетъ:
«Когда эти уплёты носила,
Тогда мое подворье красила!
О! дорого они куплены!
И въ одинъ вечеръ сношены!
Не стала уплеты носити,
Не стала и мое подворье красити!»

70.

Тёмно, тёмно на дворѣ,
Темнѣе же за дворомъ;
Нейдетъ дѣвочкѣ походить,
Рутьмянаго вѣночка доносить!
А зачулъ же то суженька:
«Не журися дѣвочка!
Доноситъ вѣничкъ сестрица,
Доноситъ перстенекъ залвица
Тесовыя лавочки моючи!»

71.

Луговая калина
Весь дворъ украспла;
Одного не краспла
Да и орѣховаго куста.
На что я буду красити?
Я при немъ сама стану!
Красная дѣвочка
Всѣхъ сватовъ обдарила;
Одного не дарила
Молодаго суженька
На что я буду его дарити?
Я при немъ сама сяду
Красной дѣвчиной!

72.

Шелковая ниточка къ стѣнѣ льнетъ,

Дѣвушка бабушкѣ челомъ бьетъ.
Отбила челомъ за столомъ,
А даетъ спасибо за дворомъ.
«Спасибо, батюшка, за хлѣбъ-соль,
Не пойду больше за твой столъ;
Хоть же приду — въ гостину,
Хоть же и буду ходить —
Не буду дѣла дѣлать.

73.

Дѣвочкинъ батюшка,
Не на лавкахъ сѣдючи
У порога стоючи
Напившись скачетъ;
Проснувшись плачетъ —
Куда мое да дитя пошло:
Въ боръ ли за ягодками?
Въ лугъ ли за калиной?
Въ крыницу ли за водицей?
Кабы въ боръ за ягодками
Такъ бы съ лубочкой;
А колибъ за калиной —
Такъ бы съ дѣвочками;
А въ крыницу за водицей —
Такъ бы съ ведерками!

74.

Не жалко ли тебѣ, дѣвочка:

Что чужая чужина за столомъ —
А своя родина подъ столпомъ;
Чужая чужина все скачетъ,
А своя родина все плачетъ:
Чужая чужина медъ-вино пьётъ
А своя родина слезки льётъ!

75.

Не стой, матушка, у порога,
Ужё твое дитятко въ дорогѣ!
Приступи, матшка близенько:
Уклóнится дитятко низенько!

76.

Не думай, дѣвочка, не думай!
Не повеземъ тебя за Дунай,
Ни за тѣ рѣчки быстрыя,
Ни въ тѣ люди дивные,
Что́ мѣняютъ коней безъ цѣны,
Что бьютъ жёночекъ безъ вины,
Что не щепаютъ лучины,
Что не порубаютъ скирды дровъ,
Что не накосятъ сѣна стогъ!

XII.

МОЛОДУЮ ПРИВЕЗЛИ ВЪ ДОМЪ СВЕКРА.

77.

Змарнило, дитя, змарнѣло! *
Въ чужой клѣти сѣдючи
На чужихъ гостей глидючи,
И наметочку держучи!

78.

Хоть мы ночечки не спали,
Мы жъ себѣ челядину достали;
Хоть мы другой не доспимъ
Мы назадъ челядины не отдадимъ,
Челядинъ, суженка, челядинъ!
А позавидуетъ намъ не одинъ,
Что у насъ добрый челядинъ!
Добрый челядинъ — суженька!
Добрая челядка — дѣвочка!

79.

Выйди дѣвочка на крыльце
Послушай своего приданого:

* Отъ польскаго Zmarnieć.

Не кукушки ли кукуютъ?
Не соловейки ли щебѣчутъ?
А ни кукушки кукуютъ?
А ни соловейки щебѣчутъ.
Это мои сестрицы пѣсни поютъ,
Это мои братья гойкаютъ:
Они мнѣ кубличекъ привезутъ,
Мою голову обовьютъ!

Kulzhinskiĭ, Grigoriĭ

СОБРАНІЕ

ЮЖНО-РУССКИХЪ СЛОВЕСНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

Составилъ Григорій Кулжинскій.

(Изъ Черниг. Губернск. Вѣдом. 1864 года).

ЧЕРНИГОВЪ.
Въ Губернской Типографіи.
1864.

СОБРАНІЕ

ЮЖНО-РУССКИХЪ СЛОВЕСНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

Издавая въ свѣтъ этотъ «*Сборникъ южно-русскихъ словесныхъ памятниковъ*», я имѣлъ въ виду подѣлиться собраннымъ мною «*сыровьемъ*» съ любителями мѣстной археологіи, видящими въ подобныхъ изданіяхъ не болѣе, какъ матеріалъ общерусской археологіи.

Въ текстѣ областныхъ словъ и выраженій моего «*Сборника*» я удерживалъ общерусскую орѳографію, а не произвольно сочиненную г. Кулѣшомъ, авторомъ «Граматки».

Эти строки пусть будутъ введеніемъ въ мой «*Сборникъ южно-русскихъ словесныхъ памятниковъ*»

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1.

Надгробокъ.

Блаженія памяти благороднаго его милости пана Василія Борковскаго-Дунѣна Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войскъ запорозкихъ обознаго енеральнаго, року Господня 1717 генваря 9 написанный.

В годъ Господень тысяшный и семъсотый вторый,
Отъ временной сей жизни въ небеснія двори
Марта дня четвертаго духомъ переселися,
А здѣ въ храмѣ Успѣнскомъ тѣломъ положися,
Панъ Василій Борковскій, отъ Дунѣновъ дому,
Лѣтъ шестьдесять двѣ прожившъ не себѣ самому,
Но Богу, Царемъ и всей Россійской отчизны
Вѣрный былъ сынъ и слуга ввесь вѣкъ своей жизни.
Годовъ пятнадесять полкъ Чернѣговскій правилъ,
По семъ Богъ енеральнымъ и обознымъ прославилъ.
Лѣтъ шестьнадесять славою пребысть на той чести,
Всегда Царемъ и вождямъ служаше безъ лести.
Первый бѣ по гетману праведно славими,
Всимъ бо бяше любезенъ дѣлами своими.
Церкви и обители усердно любяше,
Благолѣпіе оныхъ вездѣ разширяше.
Церковь соборна чрез брань бяше опустѣла,
Его тщаніемъ вскорѣ сотворися цѣла.
Своимъ ю имѣніемъ претвори на нову
Въ честь преобразившуся Христу Богу Слову
Его тщанія дѣло и храмъ Воскресенскій,
Каменный, его память храмъ Благовѣщенскій;

Ихъ же создавъ, украси иконами зѣло,
Чая себѣ отъ Бога мзды за сіе дѣло.
Онъ отъ основанія дѣвичу обитель
Воздвиже и бысть оной прещедрый кормитель.
Онъ святыхъ страстотерпецъ олтарь по премногу
Дражайшими сосуды украси въ честь Богу.
Сія такожде церковь Елецка названна,
Онымъ основася и трапеза созданна,
И келій каменій пиная многа
Чрезъ него имать сія обитель убога.
Онъ даде иконостасъ, фелони, сосуды
Сребряніе, его то укладъ, коштъ и труды.
Много добра духовнымъ и мірскимъ творяше,
Всѣхъ любя, и самъ отъ всѣхъ любимъ бяше.
Богъ благослови его и въ наслѣдіи рода,
Да не останетъ древо доброе безъ плода, —
Двоихъ сыновъ въ старости даде и остави,
Да будутъ наслѣдницы родительской слави.
Самъ отъ временной къ вѣчной жизни преложися,
И на семъ святомъ мѣстѣ тѣломъ положися.
Проводи его сѣмо Іоаннъ *)
Пастырь Чернѣговскій и ввесь чинъ освященный;
Погребенъ въ храмѣ, въ немже Пречистая Дѣва
Славится успѣніемъ и по смерти жива.
И Василій Борковскій да живетъ во вѣки
Съ Богородицею и съ ангельскими лики;
Молитъ усердно мимо гробъ его ходящихъ
Гласъ отъ гроба возноситъ спастися хотящимъ:
Молитеся, людіе, о мнѣ Христу Богу,
Да получу отъ Него милость въ небѣ многу.
Аминь, Аминь, Аминь.

*) Іоаннъ Максимовичъ — Архіепископъ Черниговскій.

Примѣч. Этотъ *надгробокъ* написанъ на особой мѣдной дощечкѣ, которая находится надъ могилою Черниговскаго Полковника Василія Дунѣна-Борковскаго, въ Черниговѣ.

2.

Въ Крупицко-Николаевско-Батуринскомъ монастырѣ, что въ Черниговской епархіи, въ соборной церкви, при южной стѣнѣ, подъ спудомъ, покоятся нетлѣнные останки настоятеля этой обители Исаакія Григоровича, надъ могилою котораго, вверху, на особой таблицѣ, написаны усобшему два нижеслѣдующіе надгробка, сочинителемъ коихъ мѣстное преданіе считаетъ Св. Димитрія Ростовскаго.

Надгробокъ.

Добродѣтель аще и не явѣ творима бываетъ,
Но Богъ оную явѣ всѣмъ открываетъ,
Прославляя рабовъ своихъ, благое творящихъ,
Празымъ и тѣснымъ путемъ въ жизни сей ходящихъ.
Симъ путемъ отецъ нашъ Исаакъ хождаше,
Не міру и плоти, но Богу угождаше;
Сего ради душа его съ святыми обитаетъ,
Тѣло же его нетлѣнно въ семъ мѣстѣ пребываетъ:
Бѣ бо онъ въ сей обители схимникъ и игуменъ
Кротокъ, трудолюбивъ, наставникъ разуменъ,
Смиренію и страху Божію учащій,
Нынѣ же о насъ въ небѣ Творца всѣхъ молящій.

3.

Надгробокъ.

Имя мое Исаакій, игуменъ реченный
Батуринскій, иже здѣ въ земли положенный.
Съ мѣста на мѣсто преидохъ съ Божей благодати,
Не истлѣнъ буду суда ожидати,

Архангельскія трубы и гласа благаго,
Отъ него же мертвый всякъ востанетъ наго.
Къ Судіи и Богу просящъ вѣнца злата,
Не увядаема во вѣкъ, прекрасна и свята,
Имъ же кто вѣнчается, живетъ съ ангельски лики,
Превосходя славою земны человѣки,
И стоитъ одесную Божія десницы
Съ Херувимы преславны, съ Архангельски лики.
Сего и азъ желая, удалихся міра,
Отрекохся всякаго земного куміра,
Хотя показать путь ко небесной славѣ
Здѣ живущимъ инокамъ и всѣмъ людемъ явѣ.
И, бывши тѣмъ наставникъ, знаменіе чина
Серафима на себѣ носящи единна,
Многихъ научихъ знати Божія уставы,
Правила церковные и молитвы правы;
На что и Богъ даде мнѣ не истлѣнну быти,
Плоти трудолюбной запрети согнити;
И сего ради всякъ трудолюбивъ буди,
Моли Создателя за себя и люди,
Коего десницею будешъ сохраненный,
Имѣя къ нетлѣнію вѣнецъ сплетенный.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Сказска.

4.

Медвиже Ушкд.

У одномъ сели була церква. У той церкви бувъ паламаремъ дуже здоровый человикъ, да такій сильный, що й сказать неможно. Отъ, бачите, у того паламара да булы дуже здоровы, чи бакъ, велики

уши: Одно человиче, а друге, не наче медвиже. Вси звали сёго паламара *Медвижимъ Ушкомъ*. Ему не було проходу ни отъ кого—вси зъ него глузовали. Винъ же терпивъ, да терпивъ, ажъ разъ и бида зробилась. Винъ пійшовъ разъ у церкву, отперъ ію, замивъ, да й сивъ собі на цвинтарі. Люде давай зходытьця, давай жартовать зъ нимъ; а дали одинъ паробокъ якъ схопивъ ёго за ухо, такъ и одырвавъ зовсимъ. Наше Медвиже Ушко́ такъ озлилось, що хвать того человика въ голову, и помынай, якъ звали! Бачить Медвиже Ушко́, що убивъ человика, винъ давай богъ ноги—зъ цвинтаря, давай утикать. Люде за нимъ.... ажъ ни—его не догналы, бо винъ утикъ далёко, далёко, у такій гай, де и днемъ тёмно, неначе поночи. Тутъ тилькы отдыхнувъ винъ трошки, да й таку думку гадае: «бидна моя головка, що се я наробивъ?—убивъ человика! Утечу жъ, каже, теперь до мо́ря, зберу собі добрыхъ хлопцивъ....»

Оце такъ винъ думае, та все помаленьку турае дали й дали. Ажъ иде ёму назу́стричь якійсь человикъ, такій здоровый, якъ и винъ самъ.

— «Хто ты такій, человиче?» питае винъ его.

— «Я такій», одвичае стрічный, «що якъ визьму яке хошь дерево, то въ щепкахъ буде».

— «Коли такъ, то й добре: мини такихъ треба. Ходимъ у мисти».

— Ходимъ.

Отъ воны идуть собі, да й идуть. Ажъ иде имъ назу́стричь зновъ якійсь человикъ.

— «Хто ты такій?» пытае ёго Медвиже Ушко́.

— «Я такій чоловикъ, що якъ махну рукою, то й гора розступитця».

— «Колы такъ, то й иды зъ нами...»

Зновъ воны йдутъ соби, да йдуть, а назу́стричь имъ йде зновъ якійсь чоловикъ.

— «Хто ты такій?» пытае ёго Медвиже Ушко́.

— «Я такій, що якъ махну рукою, то й море роздвинетця».

— «Коли такъ, то й иды зъ нами».

Такъ йшли воны соби, йшли, та й пришли до моря — у гай. Зробыли хату, стали жить, та кожный день ходить на розбій, а по-черги одинъ зостаетця на хозяйстви дома.

Разъ пошли на розбій, ажъ приходить якійсь дидокъ и стукае у дверы; а той, що зоставсь на хозяйстви, пытаетця зъ хаты:

— А хто тамъ? чого треба?

— Я самъ зъ локоть, борода у мене ажъ по локоть. Одчиняй!

— Не одчиню, иди соби.

— Коли такъ, каже дидокъ, то я выломаю дверы. Сказавъ, да й выломивъ, а якъ вийшовъ у хату, гукнувъ: «давай исты!»

— Ни, не дамъ.

— Ну, будемо жъ битця.

Отъ воны билысь, билысь, и дидокъ подужавъ. Обдеръ ему всю спыну, та потеръ ій ще половою, щобъ дужче болила, а самъ утикъ. Сей бидолага вже сидыть мовчки на печи. Приходять други ёго товарыши, а винъ имъ и не каже нычого, бо соро-

митця. На другій и на третій день було тожъ, и ни хто ни кому не каже про свою биду.

Отъ прійшовъ чередъ до Медвижого Ушка. Такъ саме було и зъ нимъ, тилько винъ дидка подужавъ и, взявши ёго за бороду, приковавъ за хатою до дуба. Самъ же пійшовъ у хату. Приходять ёго товариши, винъ имъ все и розсказавъ, а дали каже:

— Ходимъ подивимся на ёго.

Приходять, ажъ дидка нема вже.

Воны пошли шукать ёго по гаю и зишлы до великои, великои ями, видкиль дорога на той свитъ. Отъ Медвиже Ушко спустывсь по вировци на той свитъ. Бачить: тамъ стоить хатка.

Винъ до неи, ажъ сыдить тамъ сестра дидка. Винъ ій пытаетця:

— А чи дома дидокъ, у котрого борода по локотокъ?

— Дома, та спыть.

Дали розказавъ винъ ій, якъ приходивъ дидокъ до нихъ; а дидова сестра та й каже ему:

— Винъ якъ проснетця, то буде битця. Идыть же въ амбаръ. Пришли...

— Оце, каже дидова сестра, кринка горилка, а це — слаба. Винъ якъ напьетця кринкой, то стане такій сильный, що біда.

Медвиже Ушко повереставливъ бочки: де була кринка, поставивъ слабу, а на ій миспи поставивъ кринку.

Проснувсь дидокъ, да й каже:

— Здоровъ бувъ! Будемо жъ бытця.

— Добре, одвичае Медвиже Ушко́.

— А наперед выпьемо горилки.

Напились воны: Медвиже Ушко́ крипкой, а дидокъ обмылився — слабои. Дали вони побрали зализни булавы, та и давай биться. Медвиже Ушко́ що вдарить дидка по голови, то дидокъ все входыть въ землю, тай угнавъ уже такъ его у землю, що ажъ до пояса. Потимъ думае собы: пiйдужъ теперь до дому. Иде до ямы, ажъ нема шворки. Що туть робить? А вже збираеться хмара. Винъ злизъ на дерево, а тамъ гниздо и маленьки птички сидять. Винъ каже имъ:

— Не буду убивать и выдерать васъ, а прикрыю отъ дорщя, тильки дайте помочъ мини, щобъ выйты до дому?

— Все буде, тильки ни убивай насъ.

Винъ ихъ накрывъ. Дорщь прошовъ, ажъ прилитае птичина матюръ, та ажъ жахнулась, убачивши, що винъ сидыть коло iи дитокъ, а птичинята та й кажуть матюри все, якъ було.

— Коли ты такiй добрый, то я вынесу тебе до дому. Нарижь тильки 12 бочекъ мяся и 12 бочекъ налый воды, понавьязуй ихъ на мене, а зверху сядай самъ.

Такъ винъ и зробывъ.

Отъ долетилы воны до дому. Медвиже Ушко́ бачить, що нема его товарышивъ. Винъ шукавъ ихъ, шукавъ, а дали пiйшовъ у те село, зъ котрого утикъ, убивши чоловика.

Такъ ёго заразъ пизналы, посадилы пидъ зализный звинъ, де винъ и помиръ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Пословицы и поговорки.

6.

А.

Абы люде, а пипъ буде.

Я могу ошибаться; но мнѣ кажется, что эта поговорка получила свое начало въ первыя времена христіанства въ Россіи, когда заботливое правительство старалось распространять приходы, такъ, что гдѣ были крещеные люди, тамъ учреждали церковный приходъ и поставляли приходскаго священника, который на малорусскомъ нарѣчіи называется „попомъ“.

А въ солому!

Поговорку эту употребляютъ тогда, когда кто-либо изъ присутствующихъ зевнётъ на весь ротъ.

А ёму й байдуже!

А ёму й не гадке!

Эти поговорки употребляютъ малороссы, когда говорятъ о какомъ-либо безпечномъ человѣкѣ.

А... жоночій дядько!

„*Жоногимъ дядькомъ*“ малороссы называютъ горщешниковъ, потому что когда эти послѣдніе изъ своего завода везутъ чрезъ село горшки, то многіе женщины или *жонки* выбѣгаютъ изъ хатъ и, желая его остановить и купить для себя горшки, кричатъ ему вслѣдъ: „*дядько! а дядько!*“

Ажъ валяетця!

Этимъ выраженіемъ обыкновенно характеризуютъ слабаго, больнаго или пьянаго.

Ажъ слюнька въ ротп потикае!

А зась!

Пословицы эти употребляютъ въ такомъ случаѣ, если кому-либо чего-нибудь сильно хочется; но онъ не можетъ удовлетворить своего желанія.

Ай, щобъ ёго, да бодай ёго!
А, лиха годына!
А ни же, а ни на матузочку!
А ни за холодну воду.

Этой поговоркой выражается чья-либо лѣнь.

А подыни лишень клыши.
А по мини хочь вовкъ траву пжъ.
А, се бабски забубоны!

Обыкновенно женщины суевѣрнѣе мужчинъ. Часто онѣ вѣрятъ въ разныя нелѣпости, и въ такомъ случаѣ благоразумные изъ мужчинъ торжественно произносятъ имъ эту поговорку.

Б.

Береженого и Богъ береже.
Безъ нёго и вода не освятытця.
Безъ Тройцы и домъ не строитця.
Бида никого не красить.
Бидна моя головка.
Бидному не хто не дасть.
Билый, якъ цыганъ.
Битый ходышъ!

Поговорка эта говорится такому лицу, которое такъ поступаетъ, что можетъ быть наказанъ.

Бить тебе — бить, да й кій положить.
Бодай ты не знавъ о соби, да о билому дни.
Бреши, да знай же мѣру.
Бреше, неначе собака!

В.

Вашимъ добромъ да вамъ же челомъ.
Винъ байбыки бье.

Т. е. ничего не дѣлаетъ.

Винъ ёго любить, якъ собака рѣдьку.

Винъ гракивъ ловить.

Винъ добрый чоловикъ: якъ спить, такъ и исти не просить.

Винъ зъ нимъ носится, якъ дурень зъ писанною торбою.

Винъ зхопивъ гарбуза.

Т. е. получилъ отказъ отъ дѣвушки, которую сваталъ. Обыкновенно невѣста въ малороссіи сватается не самимъ искателемъ ея руки, а чрезъ избранныхъ имъ *сватовъ*. Если жениху хотятъ отказать, то его сватамъ, между прочимъ угощеніемъ, подаютъ печеную *гарбузу*—особый родъ тыквы. Этимъ и прекращается сватовство.

Винъ козу водыть.

Т. е. пьянствуетъ.

Винъ на ладанъ дыше.

Т. е. вотъ-вотъ умретъ.

Винъ на мене — не громъ, не туча.

Т. е. очень сердитъ.

Винъ облизня зъивъ.

Т. е. получилъ носа.

Винъ соби на уми.

Винъ самъ соби руку сѣче!

Т. е. вредитъ.

Виставивъ грудыну на продажъ.

Т. е. растегнулъ платье и выставилъ свою грудь какъ-бы на показъ.

Вовка боятця, дакъ и въ лисъ не ходыть.

Водытця, неначе зъ хлопцемъ.

Эта поговорка выражаетъ тотъ смыслъ, что онъ со мной такъ обращается невѣжливо, какъ обыкновенно обращаются въ малороссіи пожилые съ хлопцами, считая видно, что вся премудрость только въ сѣдинѣ.

Ворона скаже: сыръ, сыръ... да й зъисть.

Втикать видъ нёго, обрызавши полы.

Всякъ ласый на чужи ковбасы.

Въ гостяхъ добре, а дома лучче.

Въ дорози всёго трапитця.

Въ огороди гарбуза, а въ Кіёви дядько: тымъ я тебе полюбила, що на неби мисяцъ.

Въ свинячи голосы!

Т. е. некстати.

Въ своемъ добри всякъ хозяинъ.

Въ хозяйствѣ все знадобытця.

Г.

Гиръ, цуцъ, по ярмарку!
Головою! . . . .
Головою объ стину! . . . .
Голодному не попадайсь подъ руки.
Голо̀сить, неначе по мертвому.

Гора зъ горою не зходятця, а чоловикъ зъ чоловикомъ зходятця.

Горохомъ объ стину!

Граетця, не наче зъ хлопцемъ!

Грошы незнать що, да милують дуже.

Поговорка эта чаще употребляется въ разговорѣ о хабарничествѣ.

Д.

Давай Богъ ноги!

Поговорку эту употребляютъ тогда, когда говорятъ о поспѣшномъ уходѣ кого-нибудь, наприм. *а винъ оттуда давай Богъ ноги!* т. е. а онъ оттуда поспѣшно ушелъ.

Дай, Боже, на тимъ свити побачитця!

Поговорку эту употребляютъ тогда, когда кто, пріобщившись Святыхъ Таинъ и закусывая особой просфирой, отламываетъ отъ нее кусочикъ и даетъ другому причастнику, который тоже отламываетъ отъ своей и даетъ взаимно.

Дарма̀ що малый, а й ста̀рого научить!

Даремному коню въ зубы не дывлятця.

Дере зъ живого и зъ мертваго.

Эта поговорка вполнѣ характеризуетъ приказныхъ пьявицъ.

Держи гиру, держи виру!

День, неначе годъ.

Де просто, тамъ ангеловъ со сто.

Дешевше грибовъ!

Поговорку эту въ настоящее время можно назвать анохранизмомъ, потому что иногда фунтъ грибовъ доходить зимою до цѣлковаго!

Дидько ёго знае!

Дила не дилай, и дила не бигай.

Дырявый ротъ.

Доброго здоровья пивши.

Этою поговоркой привѣтствуютъ того, который поднесетъ ко рту какое-либо питье: воду, водку и пр. и пр.

Доброго здоровьичка, пани Мойсіева.

Добре дило караси: не пойси, дакъ продаси.

Довгій языкъ, ажъ за ушми мотаетця.

Добре робы, добре й буде.

Добрее начало — половина дила.

Добрый панъ: тильки трыйчи въ морду давъ.

Дежъ ёго въ г—п взять.

Добромъ городъ городить.

Дурный, дурный, а въ школи вчився!

Дурный якъ ворона, а хитрый якъ бисъ.

Дурного и въ церкви бьють.

Дурному законъ не писанъ.

Дурень на дурню седыть и дурнемъ поганяе.

Дурнямъ счасте.

Душа у нёго въ пьятки зховалась.

Т. е. онъ перепугался.

Дяковать Богу и людямъ.

Дяковать Богу и хозяину.

Обѣ эти поговорки произносятся при вставаніи изъ-за стола, послѣ обѣда.

Е.

Его ремесло бурякомъ поросло.

Его якъ послухать, то й Бога нема.

Ему́ все бы дурнычками.

Ему́ бы можно озолотытця.

Ему́ бы жить, та Бога хвалыть.

Ему́ забожитця — неначе мини плюнуть.

Ему́ одна дорога, а намъ скильки...

Поговорка эта употребляется при поискѣ кого-либо.

Ему́ про копя, а винъ про вола.

Ему́ слово, а винъ сто.

Ему́ те, а винъ свое.

Ему́ теперъ не до того.

Ему́ теперъ ни що не мило.

Ему́ того не бачить, якъ своихъ ушей!

Ж.

Женыть бы васъ, щобъ не брыкалы!

Одинъ мужикъ былъ несчастливъ своею женитьбою: жена у него была зла, какъ фурія, и постоянно ворчала на него. Однажды она покрычала на него зачемъ телята не выгнаны со двора на пашу. Онъ, молча, пошолъ исполнить ее приказаніе; но телята, какъ нарочно, не слушали его, а все пригали или *брыкали* въ разныя стороны. Тогда мужикъ, потѣрявъ терпѣніе, въ досадѣ сказалъ имъ: *женить бы васъ, щобъ не брыкали!*

Жирно буде!

З.

За битого двухъ небитыхъ дають да й то не беруть.

Забувай батькови нòровы, а бери мои!

Такую любезность говоритъ обыкновенно мужъ своей молодой женѣ.

За здоровье ваше да въ горлычко наше!

За постой грошы платять!

Поговорку эту употребляютъ, если кто говоритъ: „*постой, подожди*“.

За сію науку цѣлуйте батька и матеръ у руку.

За сýму да й дальше посýну.

За що купивъ, за то й продаю.

Здорова, якъ корова!

Знае де раки зимуютъ!

Знайте нашихъ!

Зъ довгою рукою — пидъ монастырь!

Зъ нёго вже не будуть люде.

Т. е. не будетъ порядочный человѣкъ.

Зъ пидъ тишка мышки рве!

Зъ попелу галушки не вдаютця! . . .

Зъ тобою говорить—такъ лучше гороху напстысь.

Зъ одного вола двухъ шкуръ не деруть.

И.

И ворогу сёго не бажаю.
И встрічному и поперечному.
Изъ кулька въ рогожку.
Изъ огня, да въ полом'я.
Изъ пирьемъ... не стòить...
Изъ посьмиху люде бувають.
И нашимъ и вашимъ.
И нашему Богу и вашему.

Обѣ эти поговорки выражаютъ двуличность.

И скотина розумна, даромъ що не говòрить.
И такъ багато всякого лиха, а ще жинòкъ наплодивъ.
И хòлодно и гòлодно.

І.

Ісусъ ломавъ и намъ дававъ.

К.

Колы ты, бабо, рада, то нехай на тебе вся громада.
Квокче курка, що яйце знесла.
Клинъ клиномъ выгоняй.
Копійка на черный день.
Колыбъ я бувъ царемъ, каже цыганъ, то вкравъ бы пудъ сала, да й втикъ бы.
Колыбъ кизка не скакала, то й нижки бы не зломала.
Кому мы надобны, той найде насъ и въ кàдоби.
Кисиль, що на морози кипивъ.
Конецъ дило вінчае!
Колыбъ можно, то винъ бы всихъ поивъ.
Коло воды ходывши, неможно, щобъ не замочитця.
Краденымъ добромъ не розживешся.
Круть-верть — пидъ черепочкомъ смерть.
Куды тоби за грошъ танцювать.
Купивъ дядя, на себе глядя.

Л.

Лаетця — на чомъ свитъ стоить.
Лизе въ очи, неначе осока.
Лишня пичка въ хати.
Ложкою за ухо занесе.

М.

Мазена въ Пилтави подавивсь голушкою.
Медьвидь якій, а й то кольце у губу управляють.
Мишокъ зъ половою.
Минулась коту масляна.
Минувъ Спасъ, держи рукавички про запасъ.

Смыслъ этой пословицы тотъ, что часто послѣ Преображенія Господня погода все-таки не такая, какая была прежде.

Мы зъ тобою, якъ рыба зъ водою.
Мовчи, такъ подумають, що ти розумный.
Мовъ роженъ ёму въ очи.
Можно, да осторожно.
Морозъ, морозъ, иди кутю исты!
Моя душа примае й зъ ковша.
Мягко стеле, да твердо спать.

Н.

На прошеныхъ гостей багато треба.
На сей роботи не забогатешъ, а загорбатешъ.
На верби грушы ростуть.
На кого бида нападе, той до Кіева иде; а якъ бида минетця, то винъ и изъ Броваривъ вернетця.
На ловця и звиръ бижить.
Не вмієшъ концивъ у воду ховать.
Не вси дома.
Не въ тынъ, не въ ворота.

Не все такъ робиться, якъ намъ хочется.
Не грачъ винъ мини, не помо̀гачъ.
Не дыхне, якъ не брехне.
Нездоровому ни що не мило.
Не минай мене, батыньку.
Не мы, дакъ люде знають.
Неначе пьяте колесо до воза.
Неначе свиня въ оброти.
Неначе мышъ выскочила изъ борошна.
Неначе опареный.
Не пыли,—иду къ обидни.
Не пыйте зъ ведра, бо буде жинка вырачковата.

Т. е. съ большими глазами.

Не плачъ, я куплю калачъ, медомъ помажу, тоби пока̀жу, а самъ зъимъ.
Не при тоби писано.
Не разомъ и Краковъ збудованъ.
Не сама пряла, а кума помогала.
Не спытавшись броду, не ходы у воду.
Не ты первый, не ты и послидній.
На тобѝ шкура горить.
Не теперъ, дакъ у четверъ.
Нехай ёму легѐнько згадаетця.
Нехай ему абыщо.
Нехай мруть, да намъ дорогу труть.
Нехай вамъ Богъ помогае.
Нехай Богъ кріе.
Нехай буде гречка.
Нехо̀чу за̀дни па̀сты.

Т. е. играть въ обществѣ послѣднюю роль.

Не цурайсь хлибъ-соли.
Нечепай ёго, не буде вонять.

Нижинъ бильшъ одъ Носовки тильки одною хатою.

Мѣстечко Носовка въ 28 верстахъ отъ г. Нѣжина. Оно довольно обширно и красиво. Сколько мнѣ не случалось говорить о ней съ ея жителями, то каждый разъ разговоръ прекращался такъ: *не даромъ кажуть, що Нѣжинъ бильшъ одъ Носовки тильки одною хатою!*

Ни кола у нёго, ни двора.

Нужда всему научить.

О.

Ой не мàла баба хлопотъ, дакъ купила порося.

Ой, панычу, панычу! я васъ за чуба посмычу.

Ой недобрый хтось теръ хринъ.

Ой, щобъ меньша сестра старшу пидъ корыто не пидвернула.

Т. е., чтобъ не опередила своимъ замужествомъ.

Отъ и встереглись!..

Отливъ пулю!

Отто, якій великій панъ.

Отъ досточки до досточки, а по середыни не трошечки.

Отутъ Богъ, а тутъ порогъ.

Охъ, и ему̀ колысь втруть носа.

П.

Панъ кладе печать, а мужикъ дивитця — видкиль почать.

Перекрестись, да спать ляжъ.

Пироги — обиду вороги.

Писля каятья, нема вороття.

Пыршить, якъ овечка.

Пійду свитъ за очима.

Т. е. куды глядятъ очи.

Подивывсь, неначе шагъ давъ.

Полы врижъ, а втикай отъ позвивъ.

Т. е. отъ процессовъ.

Пошла за витромъ.

Т. е. пустилась на вся горькая.

Помогай, Боже, и нашимъ и вашимъ.

По Савци свитка.

По старому обычаю — по чарци до чаю.

Почемъ продаешъ грудыну.

Подождить: приде коза до воза спиньця просить.

Пришить кобыли билый хвистъ.

Пропаще, якъ слюня.

Пропало, якъ на собаци.

Прояснилось сонечко.

Прошу простить...

Пропавъ день, и собака не бреше.

Пугана ворона и тини боиться.

Р.

Раденькій, що дурненькій.

Ратуйте, хто въ Бога вируе!

Росте, неначе изъ воды.

Рудый, якъ собака.

С.

Свахи перва чарка и перва палка.

Обыкновенно въ Малороссіи *свахи* пользуются большимъ почетомъ; но ежели же сватовство будетъ неудачно, то это обходится для свахи не безъ неудовольствій.

Се отъ пристриту.

Слово „*пристритъ*“ состоитъ изъ двухъ словъ: *при* и *стритъ* — встрѣча. Выходитъ: *это отъ встрѣчи*. Извѣстно, что глаза имѣютъ магнитизмъ и иногда такой, что дѣйствительно трудно встрѣчаться съ такими глазами, — непремѣнно въ зрачкахъ заколитъ и вы понурите голову. Малороссы вѣрятъ, что отъ такихъ глазъ человѣкъ можетъ заболѣть, и поэтому больнымъ часто говорятъ: *се отъ пристриту*.

Се ще вилами писано.
Се ще не гроши.
Сказано вже: пьяный, що дурный.
Сміетця, що дурный.
Старее дерысь, да на нове берысь.
Старый, та дурный.
Съ міра по нытци — голому сорочка.

Т.

Таке, да не таке.
Такій вінъ, сякій — сухій, немазаный.
Така вже справа.
Така вже пошисть.
Такъ проспли, такъ не пускали! — Куды? — въ хату!..
Такъ разбогатила: пòлы деру, да спину латаю.
Таки жъ и на нашей улици буде празникъ.
Твоими бы устами, да медъ пить.
Тебе бы по смерть посылать.
Тèмно, хоть очи повыколюй.
Теперъ мыни не до соли — разгулявся до воли.

Одинъ мужикъ съ женою отправились въ городъ на ярмарку. Мужикъ купилъ соли и высыпалъ въ карманъ. Потомъ продалъ ненужнаго вола и пошелъ съ своимъ покупщикомъ или *сватомъ* выпить на его счетъ „*магаричъ*“, что имѣетъ смыслъ выраженія „*вспрыснуть новую вещь.* Вотъ, подгулявши, нашъ Иванъ (такъ звали мужика, продавшаго вола), давай выплясывать... и въ это время соль вся высыпалась изъ кармана. Жена его подошла къ нему и говоритъ: „*Ивась, Ивась, — соль сыпется!* а тотъ, продолжая выпляску, отвѣчаетъ: „*Теперъ мини не до соли, — разгулявся до воли!*“

Тильки наше й хорошѐ.
Тинды-ринды.
Толкуй Савка зъ паномъ.

Того-сёго пивъ макотры.
Тогди, якъ ракъ свисне.
Трусытця, якъ ракъ свисне.
Тю-тю, дурный.

У.

У вовка тогди зубовъ бы не вырвавъ.
У нёго багато мухъ у носи.
У нёго грошей, якъ у жида.
У него жить, якъ у Бога за дверима.
У нёго нема десятой клепки.
У нёго, якъ у батька за пазухой.

Х.

Хвалить Бога за все!
Хлибъ чорный, да моторный.
Холодъ не свій братъ.
Хочъ голый, да въ пояси.
Хочъ смишно, абы затышно.
Хочъ не пышно, абы затышно.
Хочъ возьми да й выкруть.
Хорошій, якъ собака на морози.
Хто не береже грошей, той самъ ихъ не стоить
Хто кого любыть, той того гудыть.
Храбрый, якъ жидъ.
Хто мовчить, той двохъ навчить.
Хто самъ соби ворогъ.
Хто сміетця, тому не мынетця.
Хто спить, той не грѣшить.
Хто спѣшить, той людей смѣшить.

Ц.

Цуръ ёму, пекъ ёму.

Ч.

Чи ты зъ-пидъ Глухова?

Эту поговорку обыкновенно говорятъ тому, кто, не дослышавъ, спроситъ: *а? що таке?*

Чи ты сміешся, чи пытаешь дороги?

Чоботы каши просятъ.

Чуе кошка—чіе сало зъила.

Ш.

Шалость до добра не доводыть.

Шпкъ-пикъ, туды-сюды.

Эта поговорка выражаетъ суматоху.

Шургпчь у пичь...

Щ.

Щпрый козакъ зъ заду не пападае.

Що Богъ рòбыть, то все къ лучшому.

Що буде, то буде; а буде то, що Богъ дасть.

Эта поговорка была любимою гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

Що голова, то й розумъ.

Що знать, то все добре.

Що не скаже, то збреше.

Що не скаже, то неначе звяже.

Що щппочка, то й дырочка.

Я.

Яки вы дешевы!

Якій попъ, такій приходъ.

Якій пупъ, такій одростъ.

Якъ Богъ дасть, то й въ окно подасть.

Поговорка эта, какъ нельзя лучше, очерчиваетъ безпечность и лѣнивую натуру Малоруссовъ.

Якъ вы намъ, такъ и мы вамъ.
Якъ вошъ до кожуха.
Якъ дурня послухать, то й самъ дурнемъ бу́дешъ.
Якъ мокрее горыть.
Якъ цыганъ миняетця.
Якъ ты живешъ? — Якъ та вдовиця: сама на печи, а ноги на полицы...

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ домницкомъ монастырѣ, Черниговской епархіи, находится восемь копій съ универсаловъ, данныхъ этому монастырю гетманомъ Иваномъ Мазепою, которые буквально выписываю:

7.

Пресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя, Его Царского Пресвѣтлаго Величества, войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Мазепа.

Ознаймуемъ нашимъ универсаломъ всей старшинѣ и чернѣ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества запорожскаго, также духовнымъ властямъ и каждому, колвѣкъ о томъ вѣдати надлежитъ теперъ и въ потомные часы: ижъ мы гетманъ спобожности нашой христіанской на мѣсцу, прозываемомъ Думница, въ полку Черниговскомъ, противу мѣста Березной лежачомъ, на которомъ новоявился чудотворный Пресвятыя Богородицы образъ и многимъ подаетъ людемъ исцѣленія, властнымъ своимъ коштомъ постановили церковь во имя Рождества Пресвятыя

Богородицы изъ самаго фундаменту построивши монастырь, яко для спасенія своего, до тоей обители купили есьмо млынъ, поля и сѣножати и займыща, около того мѣсца лежачіи, и всѣ тоей куплѣ купчіи актыкованы суть до книгъ мѣскихъ Березинскихъ, такъ, абы тое дѣло въ потомніе часы было твердо и крѣпко; за чимъ хочемъ мѣти, пильно жадаемъ и просимъ, абы яко сукцессоровѣ наши з' старшиною и чернѣ войска запорожскаго, такъ и власть духовная, сей нашъ унѣверсалъ въ непремѣнной заховали полности, не допускаючи нѣкому въ томъ нашемъ монастыревѣ оному надданью найменьшаго чинити нарушенья; що на семъ нашемъ универсалѣ подписомъ власной нашей руки и приписеніемъ войсковой печати вѣчнѣ створяемъ Данъ з' канцелярій нашей войсковой року 1699 мѣсяца Мая 16 дня. На подлинномъ подписано тако: „*Звишмено-ванный гетманъ рукою власною*“. (М. П.)

8.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго Иванъ Мазепа.

Пану полковниковѣ Стародубскому, старшинѣ полковой, сотникамъ, атаманамъ и всему старшему и меншому товариству, такжс и всѣмъ того полку посполитымъ людямъ и кождому, кому колвѣкъ о томъ вѣдати належати мѣсто, ознаймуемъ, иж преелебный въ Богу господинъ отецъ Варлаамъ игуменъ монастыря Думницкаго, коштомъ нашимъ новофундующагося съ братіею, углидѣвши мѣстцѣ на рѣцѣ Титивѣ Подгорскомъ на занятѣ греблѣ и до построенія млына способное, просили насъ, гетмана,

о фундушѣ; мы теди принявши тое ихъ прошеніе, слушнѣ до насъ занесенное, а до того мѣючи до тоей святой обители горливое наше попеченіе, яко выдаемъ сей нашъ фундатовый универсалъ, позволяючи на томъ углаженомъ мѣсцу займати и строити млынъ подлугъ силы тамошней воды; такъ мѣти хощемъ и пильно приказуемъ, абы нѣкто з' старшины и черні, а именно, тіе особы, въ чіихъ кгрунтахъ оное мѣстцѣ найдуется, неважилися ему, отцу игуменовѣ, съ братіею въ томъ занманью греблѣ и строенью на оной млына жадной найменьшей крыдвы и перешкоды чинити; докладаемъ однакъ тое, жебы людямъ окольничнмъ въ кгрунтахъ, т. е. лѣсахъ, сѣножатѣхъ и иныхъ угодіяхъ чрезъ тое занятье греблѣ не дѣлися крадвы и утиски. Данъ въ Батуринѣ Марта 18 дня року 1700. На подлинномъ подписано такъ: *„Звышменованный гетманъ рукою власною“.* (М. П.)

9.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Мазепа.

Тобѣ, войтовѣ села Дурневъ, зо всѣми громадными людьми, симъ письмомъ нашимъ пильно приказуемъ, а бысте были безъ всякой отмовы помочными всегда в' гаченью греблѣ, подъ монастыремъ Думницкимъ будучое, а особливо теперь, когда пришлетъ до васъ отецъ игуменъ тамошній, же бысте всѣ шли на оную греблю знаежитними до дѣла тамъ потребнаго рѣчами и потоль тоей греблѣ внаправѣ неучинится досыть, и отецъ игуменъ васъ не отпуститъ,— о тое и по вторѣ пильно приказуючи, Богу по-

ручаемъ. З' Батурина. Марта 18 дня року 1700. На подлинномъ написано такъ: „*Звышменованный гетманъ рукою власною*“. (М. П.)

10.

Пресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя нашего Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Мазепа.

Всей старшинѣ и чернѣ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго, а особливо пану сотниковѣ березинскому зъ тамошнимъ урядомъ и кождому, кому бы колвѣкъ о томъ вѣдати належало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, иж ради спасенія своего, яко о многихъ обителяхъ, на разныхъ мѣсцахъ будучихъ, имѣемъ неусыпное наше попеченіе и всякими способами чинимъ онымъ вспоможеніе; такъ и обителѣ, вновь коштомъ нашимъ заведенной и устроенной, прозываемой Думницкой, мѣючи печаловитое стараніе и оной, для помочствованія въ работѣ монастырской, господарско село Дурни, въ уѣздѣ Березенскомъ будучее, позволяючи якъ теперешнему тоей обители игуменовѣ, великому въ Богу господину отцу Варлааму, такъ и по немъ быти мѣючимъ игуменамъ съ братіею, тимъ селомъ завѣдовати, и всякій отъ посполитыхъ людей повинности и послушенства до войсковое ласки отбирати, вѣдаючи про то о сей выразной волѣ нашой, абы якъ самъ панъ полковникъ черниговскій зъ полковою старшиною, а найбарзей урядъ Березинскій, такъ и нихто иншій изъ старшины и чернѣ теперешнему и впредъ быти маючему отцемъ игуменомъ

Думницкимъ с' братіею, въ завѣдованью села Дурневъ и въ отбиваню всякихъ належачихъ отъ посполитыхъ людей повинностей и послушенствъ, несмѣлъ и неважился жадное наименьшое чинити перешкоды, пильно симъ же универсаломъ нашимъ варуемъ. Войтъ зась тамошній зо всѣми громадными мужами (опричъ козаковъ, въ компутѣ войсковомъ найдуючихся и войсковые службы пильнуючихъ, якій маютъ при своей козацкой волности захованы бытп), жеби без' жадное опреки и отмовы отдавали всякія повинности и послушенства до помененной Думницкой обителѣ пильно приказуемъ. Данъ въ Батуринѣ Мая 13 дня року 1700. На подлинномъ подписано такъ: „*Звышменованный гетманъ Иванъ Мазепа*“. (М. П.)

11.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Мазепа.

Всей старшинѣ и чернѣ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго, а особливо пану полковникове Черниговскому, и кому колвѣкъ о томъ вѣдати будетъ належало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, иж видячи мы обитель святую Думницкую, вовсе въ скудости найдуючуюся, и умыслисьмо озера Локнистянскіе, Ольшаное, Плесо и Глушку, яко по близу будучіи, некимъ не заведенные и не пенные, до тоей святой обителѣ надаемъ и симъ универсаломъ нашимъ утверждаемъ, допускаючи и зупельную моцъ, даючи помененнаго монастыря Думницкаго законникомъ оными озерами владѣти

всяко и ловныи рыбныи пожитки на монастырскіе расходы оборачи и яко своимъ властнымъ диспоновати, прето мѣти хочемъ и пильно варуемъ, абы такъ панъ полковникъ Черниговскій, яко и нихто з' старшинѣ и чернѣ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго, законникомъ прерѣченнаго монастыря Думницкаго во владѣніе поменованыхъ озеръ Локнистянскихъ и в' отбиранью з'нихъ всякихъ ловныхъ рыбныхъ пожитковъ жадной и найменьшой неважился чинити перешкоды. Данъ въ Батуринѣ 5 дня року 1700. На подлинномъ подписано такъ: „*Звышменованный гетманъ рукою власною*“. (М. П.)

12.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго Иванъ Мазепа.

Вамъ войтовѣ села Дурневъ зо всѣми громадными людьми ознаймуемъ: иж донеслося намъ вѣдати, же едны з' васъ не будучи пред' тѣмъ въ реестрѣ козацкомъ, и жудной войсковой службы незнаючи, силомоцю тиснетеся въ козатство, другіе и въ прошлыхъ державцовъ села того въ послушенствѣ будучи, теперь нехочете подлугъ универсалу, превелебному въ Богу господину отцу игумени монастыря Думницкаго зъ братіею данного, належатой тяглой отдавати повинности; вчемъ яко явная ваша показуется быти волѣ нашей гетманской противность и ослушаніе, какъ пильно васъ упоминаемъ и сурово приказуемъ, абысте непремѣнно прерѣченному отцу игуменовѣ Думницкому з' братіею вшелякое належатое отдавати послушенство; а если бы хто звалъ козатст-

вомъ неналежнѣ вымовляючися, албо упорнѣ поступаючи отягался и не хотѣлъ быти послушнымъ и повольнымъ монастыревѣ Думницкому, теды таковаго кождого роскажемъ на худобѣ, и здоровью не поблажно скарати. Данъ въ Батуринѣ Іюля 1 дня року 1700. На подлинномъ подписано тако: *„Звышменованный гетманъ рукою власною“.* (М. П.)

13.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго Гетманъ Иванъ Мазепа.

Вамъ пану сотниковѣ Березинскому, атамановѣ городовому, также и сельской атамановѣ зо всѣмъ товариствомъ, войсковѣ мѣскому и сельскимъ окольничимъ войтамъ зо всѣми громадными людьми, симъ письмомъ нашимъ ознаймуемъ: же любо увольняемъ васъ отъ гаченья общимъ шарваркомъ гребель Седневской, Займиской и иныхъ; однакъ пильно приказуемъ, же бысте отъ сего часу не отмовлялися всегда, коли колвѣкъ будетъ сіе наше письмо вамъ показано, греблѣ монастырское Думницкое, на рѣчцѣ Думницѣ будучое, гатити, и всякихъ надобныхъ вещей до гаченья оной греблѣ возити, поневажъ и вы всѣ до своихъ кгрунтовъ, т. е. гатовъ, сѣножатей и иныхъ чрезъ тую греблю безпрестанно ѣздите; а если бысте чинилися отъ тоей гаченья греблѣ отмовными, имѣло бъ намъ тое донестыся, теды сами вы старшина помененная пречь будете отъ ласки нашей отдалены и непоблажнымъ караньемъ караны; що всѣ и повторѣ приказуемъ

вамъ. Данъ въ Батуринѣ Маія 13 дня року 1701. На подлинномъ подписано тако: „*Звышменованный гетманъ рукою власною*“. (М. П.)

14.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Мазепа.

Пане сотнику Березинскій, атаманъ городовый и войте тамошній, просилъ насъ гетмана отецъ игуменъ монастыря Думницкаго, не могучи деревне для строенія потребныхъ дѣлъ монастырскихъ подданными своими выстачити, абы до выготованья и вывезенья до монастыря дерева посполитые люди села Городища, до сотнѣ вашей Березенской належатаго, были помощными; теды мы, давши его отца игумена прозьбѣ мѣстцѣ, приказуемъ вамъ, а бысте тыхъ посполитыхъ жителей до жадныхъ своихъ мѣскихъ тяжаровъ непотягаючи и до везенья дровъ на потребу нашу не высылаючи, приказали имъ, жебы если подданные монастыря Думницкаго будутъ деревню продавати, вчинили вшелякую помочъ, и не были спречными деревне на будувлю монастырскую вивозити; таковымъ указомъ нашимъ васъ черезъ сей листъ нашъ заславши, ихъ же Господу Богу въ сохраненіе поручаемъ. Данъ въ Батуринѣ Декабря 7 дня 1702 року. На подлинномъ подписано: „*Звышменованный гетманъ рукою власною*“.

(М. П.)

15.

Тамъ же находятся и слѣдующіе памятники: привиллегія великаго канцлера коронnаго Георгія Оссолинскаго и грамота Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Княжны Софіи Алексѣевны.

Ознаймую тымъ листомъ моимъ, теперь и на потомные часы, иж господинъ Адамъ Кисѣль, воевода Кіевскій и Браславскій, до мене прозьбу свою вносивъ зъ отцемъ Іоанномъ игуменомъ зъ братіею, закону религіи Грецкой, зъ маетности моей зъ монастыря моего Батуринского, старожитнымъ названнаго Крупицкій, дабы ведлугъ давняго уживанья своего захованы были въ грунтѣ, съ давна до того належачомъ, въ селахъ Обмочевѣ и Впровки, зо всѣмъ грунтомъ и пожитками, сѣножатьми и озерами, борокъ красный, лѣсъ зъ бортьми и Осѣчь по Усорочь озеро, пущу взявши отъ озера Стучокъ до того жъ озера Усороцкаго стягается, по надъ рѣкою Сеймомъ съ обоихъ сторонъ, перевозъ на Сейму Батуринскій, що уживалъ Четисъ слуга мой, поля до пахання, озера и сѣножати, и я то видячи, иж то здавна до того Святого Николая належало, которые ся на прозьбу его милости пана Адама Кисѣля, воеводы Кіевскаго и Браславскаго, все тое отдали до монастыря моего Батуринскаго, даю такъ онымъ отцамъ, яко и наступуючимъ, по нимъ будучимъ, и оныхъ отцевъ при томъ всемъ вѣчно заховую, дабы тымъ перешкоды не откого не было, такъ и отъ всѣхъ наступуючихъ антецессоровъ монхъ, гдиж то власные свои добра тому мѣсцу убогому даю, дабы того спокойне уживали, а до того вышеписанного дарення

справы нехто не имѣлъ вѣчными часы, дарую и ствержаю иначе не чинити; а для лѣпшои вѣры и певности даю той листъ мой отцу игумену и братіи за печатью и подписомъ руки моей. Данъ въ Кіевѣ року Божого 1636 мѣсяца падзернника 29 дня. На подлинномъ подписано: *„Георгій Оссолинскій канцлеръ великій коронный“*.

16.

Божіею милостію мы Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари Великіе Князи Іоаннъ Алексіевичь и Великая Государыня благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексіевна, Всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе, и Великіе Князи Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вяцкіе, Болгарскіе и иныхъ Государи и Великіе Князи Новгорода, Низовскія земли, Черниговскія, Резанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлоозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондинскіе и всея Сѣверныя страны повелители и Государи Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ, отчичи, и дѣдичи, и Наслѣдники и Государи и Обладатели, Наше Царское Величество пожаловали города Батурина общежительнаго Николаевскаго Крупицкаго монастыря Игумена Димитрія зъ братіею и кто впредъ по немъ иные игумены и братія будутъ, повелѣли имъ дать сію Нашу Великихъ Государей

Нашего Царскаго Величества милостивую жалованную грамоту въ подтвержденіе прежніе жалованные грамоты отца нашего Государева блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, на монастырскіе ихъ вотчины, и на села и деревни, и на мельницы и на озера со всеми угодіи. Потому въ нынѣшнемъ 7197 году били челомъ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству онъ вышепомянутый игуменъ зъ братіею, чтобъ Мы Великіе Государи Наше Царское Величество пожаловали ево игумена повелѣли на монастырскіе ихъ вотчины, и на села, и на деревни, и на мельницы, и на озера дать сію Нашу Царскаго Величества милостивую жалованную грамоту въ подтвержденіе прежніе грамоты отца Нашого Государева блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государя Его Царскаго Величества грамоты; а въ грамоте отца Нашего Государева блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государя, какова дана вышепомянутого монастыря игумену Исихію зъ братіею написано: пожаловалъ отецъ нашъ Государевъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великій Государь Его Царское Величество монастырскими ихъ деревнями, и мельницами, и озерами, и всякими угодьи, по привиліямъ прежнихъ гетмановъ, какъ въ той государеве жалованной грамоте изображено, пущею зъ бортьми, почавъ отъ озера стучокъ до бортного дуба съ сеннымі покосы и съ озерами Старое, Заброшенное, Кривое, Лозовицею и Осечью, съ лѣсомъ по озеро Усорочь, сельцо Обмачевъ со всеми пожитки, красный бо-

рокъ съ мельницею вешнякомъ въ Веревце, ставомъ съ арендарскою частью де надъ рекою Сеймомъ дали цетовщизну шляхетская земля, хуторъ съ полемъ и сенными покосы и съ озеры, да на реке Ромне мельницу, вешнякъ со всѣми пожитки и съ лесомъ залиповымъ и подъ тою речкою кутъ къ той же мельнице съ сенными покосы и съ островомъ противъ Коренецкой, да въ селе Хмилове сечь съ садомъ, со пчелами и сенными покосы и пруды, да двѣ мельницы вешняки съ прудами съ померным оброкомъ и съ лѣсомъ около тѣхъ на обѣихъ сторонахъ отъ Смѣлово и отъ Хмѣлова горою по пустую гребельку, да село Хмилово со всеми пожитки, съ мельницами, вешняками и съ арендою, да два сельца во Вруцкомъ поветѣ Торчинку и могильную землю и къ тѣмъ селамъ належащими мельницы и на реке Ужирудне, до всемилостиваго Спаса старожитнаго монастыря, который стоитъ надъ Сеймомъ же рекою, пуща зъ борами, сенными покосы, да вотчинами Любитовымъ, Забологовомъ, Озаричами со всеми угоди, да селомъ Спаского поля за Божкомъ и съ мельницами и со всеми угоди, владеть по прежнему, чемъ они напередъ сего владели и всякіе пожитки употребляли и въ привиліяхъ прежнихъ гетмановъ написаны; и Мы Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексіевичь, Петръ Алексіевичь и Великая Государиня Благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексіевна всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, Наше Царское Величество слушавъ отца Нашего Государева блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государя Его Царскаго Величества жалованные гра-

моты и вышепомянутого монастыря игумена зъ братіею челобитья, пожаловали тѣмъ ихъ вышепомянутыми монастырскими маетностями, и мельницами, и озерами, и всякими угоди, ему игумену Димитрію зъ братіею и впредъ будучимъ по немъ игуменомъ и братіи владеть повелѣли и сю Нашу Великихъ Государей милостивую жалованную грамоту за Нашею Царскаго Величества печатью на тѣ вышепменованные села, и деревни и мельницы и на всякіе изъ стари къ нимъ належащіе угодья, которыми они игуменъ зъ братіею прежде сего владели, дать повелѣли жъ. И нынѣ по Нашей Великихъ Государей милости и по сей Нашей Государской жалованной грамоте ему игумену зъ братьею и хто по немъ въ томъ монастырѣ впредъ иные игумены и братія будутъ тѣми вышеписанными селами и деревнями, и мельницами, и всякими къ нимъ належащими угоди, чемъ они напередъ сего владѣли къ тому же Николаевскому Крупицкому монастырю владѣти же и доходы всякіе имати, какъ напередъ сего имано, кроме козаковъ, которыя служатъ въ войску. Дана сія Наша Царскаго Величества жалованная грамота въ Нашемъ Царствующемъ велице граде Москве лѣта отъ созданія міра 7197 (1689 отъ Р. Х.) Марта 11 дня. Государствованія Нашего 7 году. На подлинной подписано такъ: „*Государственнаго Посольскаго Приказу Діякъ Борисъ Михайловъ*“.

17.

Въ Нѣжинской Богоявленской церкви, которая въ устахъ Нѣжинцевъ называется еще замковою, находятся слѣдующіе памятники украинской старины:

Его Императорскаго Величества у привиліованнаго города Нѣжина из магистратà права Майдебурскаго

Урядовой выпись.

Сего 1757 года Марта 20 дня в' магистратъ Нѣжинскій доношеніемъ церкви Богоявленія Господня Нѣжинской іерей Алексѣй и Романъ Васпліевы, діяконъ Петръ Івановъ, дякъ Петръ Ѳедоровъ, ктиторы Іванъ Василіевъ и Фаддей Малетовъ, да прихожане Стефанъ Васпліевъ, Димитрій, Кирило, Николай Устиновы, Аверіянъ Афанасіевъ и Іванъ Андреевъ представили, ізвѣстили де они, яко указомъ Его Императорскаго Величества в' Высокоправительствующемъ Сенатѣ прошлого 1753 года Августа 9-го состоявшимся, скотораго де копія и въ Магистратъ Нѣжинскій прислана, повелено для состоящей въ Нѣжинской крѣпости церкви Богоявленія Господня церковныхъ необходимостей, бань съ ізбами, с' позволенія того Нѣжинскаго, а понеже де прежде бывшая баня торговая, состоявшая на берегу рѣки Остра, близъ гарнизонной крѣпости (с' которой, прежде отобранія оной, по указу Кіевогубернской канцеляріи, на магистратъ, доходъ былъ на оную Богоявленія Господня церковь и предѣлъ Пресвятыя Богородицы Тихинскія) впрошедшомъ 1752 году по причинѣ

пожара сгорѣла, а избы тры, скузницею, близъ оной банѣ стоящіе, остались, и нынѣ уже на оную церковь, какъ того доходъ, что збанѣ былъ, такъ и із' оныхъ избъ и кузницы неимѣется, и оная де церковь и предѣлъ Пресвятыя Богородицы в крышки весма обетшали и, за неимѣніемъ к оной доходовъ, какъ той крышки, такъ и другихъ церковныхъ надобностей исправлять нечѣмъ, тое же де мѣсто, гдѣ баня была, находится впустѣ, для того они всѣ магистрата просили тое мѣсто все, гдѣ баня была и при ней сторожка и двое и гдѣ стоять оставшіеся ізбы и кузница, с' оными избами и кузницею отдать на оную церковь во вѣчность и на то выдать имъ изъ магистрата той церквѣ крѣпость, а они де на томъ мѣстѣ коштомъ доброхотных' дателей баню и прочія строенія устроятъ и доходъ съ оных' собрат' на необходимыя потребности оной церкви имѣютъ; тогда какъ магистратъ, такъ і нікто іной нинѣ и впотомніе часи до того мѣста і строеній и доходовъ дѣла не имѣлъ и от' церкви оних' не одниналъ вѣчно, и потому ихъ доношенію, учиненнымъ въ Магистратѣ опредѣленіемъ, велено послать въ Нѣжинскую гарнизонную канцелярію промеморію с' требованіемъ, чтоб' оная канцелярія соблаговолила магистратъ увѣдомить промеморіемъ оніе церкви Богоявленія Господня іерей, діяконъ, дякъ, ктиторъ и прихожане завѣдомо.... оной гарнизонной канцеляріи требуютъ того мѣста к' постройкѣ банѣ для доходов' церковных' и когда магистратъ тое мѣсто на ту церковь укрѣпитъ во вѣчность и бань из' прочимъ строеніемъ устроить дозволитъ, то отъ оной гарнизонной канцеляріи имъ в' постройки той банѣ

и протчего и не имѣет' ли быть запрещенія вразсужденіи того, что та баня из' прочимъ строеніемъ не вдалекомъ разстояніи от' крѣпости состоять будетъ, дабы магистрату за таковымъ увѣдомленіемъ возможно было надлежащее о томъ для доходовъ церкви Божіей учинить опредѣленіе, почему из' магистрата въ оную гарнизонную канцелярію въ той сплѣ прометорію и посплано, по которой того жъ марта 22 дня присланную въ Магистратъ из' оной гарнизонной канцеляріи отвѣтною промеморіею об'явлено, находящимся де въ крѣпостной церкви Богоявленія Господня іереямъ с' причетниками, такожъ той церкви ктитору с' прихожанами, о подаче в' оной Нѣжинскій магистратъ того марта 20 числа доношеній с' требованіемъ об' отдаче состоящего близъ реки Остра мѣста съ ізбами и кузницею к' построенію вновь бани, где и напередъ сего прошлыхъ давнихъ годовъ баня была, ради самонужнѣйшихъ церковныхъ..... которая въ 1752 году отъ небреженія отставного кабацкаго служителя Димитрія Сороки двора, случившагося в' то время у него пожара, згорѣла, о чемъ де и в' прежде присланной из' Нѣжинскаго магистрата промеморій явствуетъ от гарнизонной канцеляріи дозволенія дано, затемъ, что оной церквѣ Богоявленія Господня и предѣлу Тифинскія Богородицы ни откуду никакихъ доходовъ неімѣетця, к' тому жъ оная церковь с' предѣломъ и нынѣ крышкою, а предѣлъ въокругъ и внутре потолкомъ весьма обетшали, под' которой потолокъ немало столбами подкреплено, а во время дожжа премногія течи внутръ происходятъ, от' чего де и другому церковному сооруженію порча бываетъ,

а на починку не малѣйшей суммы не имѣетця, и дабы де время от время и вся развалитьца и от' тово въ опустошеніе прійти не могла, о построеніи оной от' гарнизонной канцеляріи никаково запрещенія не будетъ, но еще крайное к' тожу стараніе употребляемо быть імѣетъ, а что неподалеку от' крѣпости, то воля іженерныхъ командъ, однакожъ в' томъ гарнизонная канцелярія яко для церкви Божіей защищеніе помогать можетъ; и потому в' ономъ магистратѣ Нѣжинскомъ опредѣлено..... (*) состоявшагося 1753 года Августа 9 д. в' высокоправительствующемъ сенатѣ Его Императорскаго Величества указа с' котораго и в' магистратъ при высокомъ ордерѣ сіятельнѣйшаго графа ясне вельможнаго господина Малія Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетмана и разныхъ орденовъ кавалера его сіятельства Кирилла Григорьевича Разумовского прислана копія, коимъ указомъ повелено для состоящой въ Нѣжинской крѣпости церкви Богоявленія Господня церковныхъ необходимостей, бань съ ізбами содержать с' позволеніемъ Нѣжинскаго магистрата; тое мѣсто імѣючееся на берегу рѣки Остра, гдѣ пред симъ бани была из' сторожками, и при них' дворъ былъ и гдѣ оставшіеся тры ізбы с' кузницею стоять, отдать все с' тѣми ізбами и кузницею во вѣчность на означенную церковь Богоявленія Господня и предѣлъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы Тихвинскія, только с' такимъ утвержденіемъ, чтоб' они іерей и клиторъ и прихожане тоя церкви непремѣнно тамо баню торговую с' принадлежностями устроили, і яко оною всегда, такъ и ізбы с' кузни-

(*) Кажется „силою“.

цею исправно содержали і в' наемъ какъ церковное добро з' добрымъ раченіемъ ища церкве прибыли пущали, и получая с'того найму доходы записывали в церковную приходскую книгу, і оніе не на привату чію, но на церковные необходиміе потребности употребляли, і о приходѣ и расходѣ оныхъ доходовъ ежегодно Магистратъ извѣстенъ былъ, что таковіе доходи в' напрасную трату приходить не будутъ, но подлѣнно на церковніе потребности, и на какіе именно употребляемы будутъ, онаго же мѣста и банѣ и избъ они іерей, ктиторъ и прихожане ни для чего никогда ни кому не продавали и не укрѣпляли понеже они укрѣплять то не сильны; а ежели оные іереи и ктиторѣ и прихожане старанія не імѣнмуть оной банѣ с' принадлежностми устроить и ізбъ с кузницею въ исправности содержать іми и устроивъ баню собират' имуть с' той банѣ и ізбъ и кузницѣ доходи, но оніе будутъ употреблять на чій партикулярніе расходи, а не на церковніе потребности і о томъ приходѣ и расходѣ в' Магистратъ щету ежегодно представлять не будутъ или станутъ тое з' банею, ізбами и кузницею, либо по случаю и нужное кому въ продажу заводить, то магистратъ силенъ будетъ тое все мѣсто з' банею и ізбами и кузницею либо и порожнее, аще они не старатимутся строенія того строить, взять в' свое смотреніе, и каковы могутъ быть съ того мѣста доходы собирать, и съ тѣхъ доходовъ тую церковь Богоявленія Господня с' предѣломъ в' необходимыхъ потребностях' снабдѣвать по своему расмотрѣнію. Безрезонно же того мѣста з банею и ізбами и кузницею и из' доходами магистратъ отъ той церкви нынѣ и въ потомніе

часи взиммать въ свое содержаніе не имѣетъ, и чтоб' іной кто того отъ церкви не отнималъ всемѣрно о защищеніи старатися долженъ будетъ, для чего оное ихъ іереевъ, діаконы, ктиторей и прихожанъ доношеніе съ магистратскимъ опредѣленіемъ уписать для часовъ потомнихъ въ магистратовую зашнурную книгу, а съ оной книги, сочиня надлежащій выписъ, оной за подписаніемъ надлежащихъ рукъ и съ приложеніемъ магистратовой большой печати імъ іереямъ съ ктиторами и прихожанами въ крѣпость оной церквѣ о всемъ вышеписанномъ выдать за роспискою обязательствомъ ихъ, что они все вышеизображенное по опредѣленіи магистратовомъ безъ всякой отмѣны содержать и исполнить будуть, почему тое все въ оную книгу уписано, а съ книги сей выписъ імъ іереямъ, ктиторамъ и прихожанамъ за подписомъ рукъ нашихъ і с' приложенною магистратовою большою печатью выданъ 1757 года Апрля 14 дня.

(М. П.) Его Императорскаго Величества
Діаметръ печати. у привиліованнаго города Нѣжина.

Войтъ Петръ Тернавіотъ.
Бурмистръ Тимофей Ѳеодоровъ.
Бурмистръ магистрата Нѣжинскаго Іаковъ Миро...невскій.
Бурмистръ Павелъ Хіотинскій.
Бурмистръ Іаковъ Строжинскій.
Магистратскій писарь Иванъ Ефимовъ.

Пр. Печать изъ зеленаго воску. Она отъ времени спортилась, но можно разобрать, что тамъ былъ орелъ, увѣнчанный тремя коронами.

18.

Отъ Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія і Малія и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ въ Нѣжинъ думному Нашему дворянину и воеводе Аврааму Ивановичу Хитрово. В' прошломъ во 169.. (*) году, по указу отца нашего Государя Блаженніе памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михаиловича всея Великія и Малія и Бѣлія Россіи Самодержца учинено Нашего Великаго Государя жалованая годовая хлѣбная и денежная руга, вновь Нѣжина города соборніе церкви Богоявленія Господня Попомъ Івану да Миките денегъ по осми рублевъ, по двацати пошти алтинъ, по четыре денги; хлѣбъ по пятнатцати четьи ржи, овса по томужъ. Дьякону по семи рублевъ, по двацати пошти алтинъ, по четыре денги; хлѣб' по тринадцати четьи, ржи овса тожъ. Дячку по три рубли, хлѣба по осми четьи, ржи, овса по томуж'. Пономарю да просфирне по два рубли, по двацати пошти алтинъ, по четыре денги; хлѣба по семи четьи, ржи, овса по томужъ. На ладонъ, на свѣчи и на вино церковное по семи рублевъ на годъ, да на просфиры четверть муки пшеничной, Я з наличной Нашей Великихъ Государей денежной казни. И какъ къ тебе ся Наша Великихъ Государей грамота придетъ, и ты бъ думной Нашъ дворянинъ и воевода верхнева города Нѣжина соборныя церквы Богоявленія Господня попомъ Василію, да Никифору, да дякону Стефану с' причет-

(*) Очевидно, что въ этомъ числѣ пропущена послѣдняя цыфра.

ники Наше Великихъ Государей годовое денежное жалованіе велѣлъ давать по прежнему и по сему Нашему Великихъ Государей вышеписанному указу какъ о томъ писано въ сей Нашей Великихъ Государей грамоте выше сего я тое ихъ.... (*) велѣть записывать въ расходніе книги именно. А прочтя сю Нашу Великихъ Государей грамоту и списавъ съ неѣ съписокъ слово въ слово оставя въ Нѣжинѣ въ съѣзжей избѣ, а подлинную сю Нашу Великихъ Государей грамоту одали Нѣжинскимъ попомъ съ причетники впредъ для иныхъ Нашихъ воеводъ. Писанъ..... лѣта 7198 февраля 21.

На подлинной подписалися:

Дьякъ Борисъ Михайловъ.

Справилъ Емелька Шестаковъ.

Пр. Копія, съ которой списалъ я эту грамоту, на адресной сторонѣ листа имѣетъ такую надпись: „въ Нѣжинъ, думному Нашему дворянину и воеводѣ Аврааму Ивановичу Хитрово“.

19.

Указа Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго, изъ государственной камеръ-коллегіи, въ Кіевскую губернію, генералу моему и вице-губернатору господину Штоку, с' товарищи, по присланному Его Императорскаго Величества указу из' высочайшаго сената ноября 27 и по опредѣленію камеръ-коллегіи декабря 19 числа сего 1729

(*) Кажется: „*дачю*“.

году велено Кіевскимъ и приписнымъ къ Кіеву гарнизоновъ Черниговскимъ, Нѣжинскимъ ружныхъ пяти церквей священникамъ с' причетники Его Императорскаго Величества жалованья по присланной на Кіевской губерніи Февраля 17 дня сего 1729 году вѣдомости, на которые годы дачи не было денежного и на церковные потребы на прошлые съ 1722 по 1726, а хлѣбнаго на резные съ 1723 по пребудущіе 1730 годъ..., денежного четыреста семъ рублевъ девеносто шесть копѣекъ, а за хлѣбъ... за трыста за девеносто за две четверти за пять четвериковъ с' третью, овса за сорокъ за двѣ четверти за пять четвериковъ с' третью по настоящіе техъ годовъ нижнимъ ценамъ выдать и впредъ означенныхъ церквей священникомъ с' причетники для ихъ скудости и давнего тѣхъ годовъ разстоянія на волокиты, и что оные городы хлебное жалованіе, по показаннымъ окладамъ, по присланнымъ изъ Кіевской губерніи и сочиненію штата ведомостямъ муки по осмидесять четвертей по четыре четверика овса по шестидесять по осми четвертей на годъ или за той.... хлебъ деньгами по настоящимъ ценамъ..... давать въ Кіевскоі губерніи на наличныхъ дизоставшихъ за положеніе на адмиралтейство доходовъ, записывая въ расходъ съ росписками для того, что тѣ городы и городы и въ Черниговъ и Нежинъ пограничные і кроме жалованья оные ружники иного пропытанія не имѣютъ, а съ 1726 года денежное жалованіе, по присланному изъ высочайшаго сената указу и впредъ повсягодно изъ камеръ-коллегіи изъ кіевскихъ доходовъ ассигновано, а по присланнымъ съ 1719 году изъ сената въ бывшую штатсъ-контору вѣдомостямъ о губерн-

скихъ расходахъ показано: онымъ ружникамъ такожъ... и на церковные потребы шесть сотъ девяносто шесть рублевъ, которые по приговору правительствующаго сената по вся годы давать велено, а по вѣдомостямъ, каковы присланы пс' Кіева и сочиненію штата показано ружникомъ жалованья и на церковные потребы триста тринатцать рублевъ шесть десять четыре копѣйки съ половиною, муки сто тритцать четвертей, четверть четверика овса, шесть десять восемъ четвертей і за тою дачею въ остаткѣ по триста и осми десять по два рубли по тритцати по пяти копѣекъ съ половиною на годъ і генералу-маеру и вице-губернатору господину съ товарищи о вышеписанномъ учинить по сему Его Императорскаго Величества указу и которыхъ церквей и коликому числу служителямъ и на которые годы помянутого жалованья и на церковные потребы надлежитъ выдать при семъ указѣ реэстръ въ Москве декабря 22 дня 1729 году.

Алексѣй Макаровъ.

Иванъ Соѳоѳъ. . . . . Принценстернъ

. . . . . Василей Батуринъ

Антонъ Ѳощалцъ Іванъ Голохвостовъ.

Михайло Поштіавъ.

Секретарь Андрей Тороповъ.

Камерръ Михайло Черноі.

Подканцеляристъ Михайло Мальцовъ.

Реэстръ въ Кіевъ городъ.

	Денежного.		Хлѣбного.			
			Мука.		Овесъ.	
	Рубли.	Копѣйки.	Четверти.	Четверик.	Четверти.	Четверик.
Соборные церкви Пресвятыя Богородицы Десятинные денежного съ 1722 по 1726 годъ; хлѣбного съ 1726 по предбудущеі 1730 годъ:						
Попу денежного по 12 р. 50, муки по 8 четвертей на годъ .	50		32			
Дьячку по 4 р. по 25 к., муки по 2 четверти, 4 четверика на годъ	17		10			
Пономарю по 3 р. по 25 к., муки по 2 четверти на годъ .	12		8			
На церковные потребы: на вино, на ладанъ, на свѣчи по 5 р. на годъ	20					
Итого . .	99		50			
Церкви Живоначальныя Тройцы денежного съ 1722 по 1726 годъ, хлѣбнаго съ 1725 по 1730 годъ:						
Попу по 8 р. по 80 к., муки по 15 четвертей, овса по тому жъ на годъ	35	2	75		75	
Дьяку по 3 р., муки по 5 четвертей, овса по тому жъ на годъ	12		25		25	

	Денежного.		Хлѣбного.			
			Мука.		Овесъ.	
	Рубли.	Копѣйки.	Четверти.	Четверик.	Четверти.	Четверик.
Пономарю по 2 р. 50 к., муки по 3 четверти, овса по тому жъ на годъ	10		15		15	
Просвирницe по 2 р. по 5 к., муки по 3 четверти, овса по тому жъ на годъ. .	10		15		14	
На церковные потребности: на вино, на ладонъ, на свѣчи по 7 р. на годъ	28					
За 1 четверть пшеницы по 72 р. на годъ.	2	88				
Итого . .	98	8	130		130	
Церкви Великомученика Георгія денежного съ 1722 по 1726 г., хлѣбного съ 1726 по 1730 г.:						
Попу по 6 р, муки по 6 четвертей, овса по тому жъ на годъ	24		24		24	
Дьячку по 2 р., муки по 2 четверти, овса по тому жъ на годъ	8		8		8	
Пономарю по 1 р. 50 к., муки по 1 четверти по 4 четверика, овса по тому жъ на годъ.	6		6		6	

	Денежного.		Хлѣбного.			
			Мука.		Овесъ.	
	Рубли.	Копѣйки.	Четверти	Четверик	Четверти	Четверик
На церковные потребности: на вино, на ладонъ, на свѣчи по 5 р. на годъ	20					
За одну четверть пшеницы по 75 р. на годъ.	2	88				
Итого . .	66	88	44		44	
Въ Черниговѣ.						
Соборные церкви мученика князя Михаила и болярина его Ѳеодора денежного съ 1722 по 1726 г., хлѣбного съ 1723 по 1730 годъ:						
Попу по 6 р., муки по 6 четвертей, овса по тому жъ на годъ	24		24		24	
Дьячку по 2 р., муки по 2 четверти, овса по тому жъ на годъ	8		14		14	
Помомарю по 1 р. по 50 к., муки 1 четверть 4 четверика, овса по тому жъ на годъ. .	6		10	4	10	4
Просвирницѣ по 1 р. 50 к., муки по 1 четверти по 4 четверика, овса по тому жъ на годъ	6		10	4	10	4
Итого . .	44		77		77	

Въ Нежинѣ.

	Денежного.		Хлѣбного.			
			Мука.		Овесъ.	
	Рубли.	Копѣйки.	Четверти.	Четверик.	Четверти.	Четверик.
Церкви Богоявленія Господня денежного съ 1722 по 1726 г., хлѣбного Іюля съ 1 числа 1725 г. по 1730 годъ:						
Попомъ 2-мъ по 6 р., муки по 6 четвертей, овса по тому жъ на годъ человѣку . .	48		55		55	
Дьякону по 3 р., муки по 3 четверти, овса по тому жъ на годъ	12		13	6	13	6
Дьячку по 2 р., муки по 2 четверти, овса по тому жъ на годъ	8		9	1 1/3	9	1 1/3
Пономарю по 1 р. 50 к., муки по 1 четверти по 4 четверика, овса по тому жъ на годъ	6		6	7	6	7
Просвирницѣ по вышеписанному окладу	6		6	7	6	7
На церковные потребы по 5 р. на годъ.						
Итого . .	100		91	5 1/3	91	5 1/3
Всего на вышеозначенные прошедшіе годы денежного, хлѣбного и на церковные потребы. . .	407	96	392	5 1/3	342	5 1/3

20.

Въ Нѣжинской Пантелеймоновской церкви находится рукописная книга, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ слѣдующій памятникъ:

Пресвѣтлѣйшаго и Вседержавнѣйшаго Государя Нашего Его Царскаго Величества, войскъ запорозскихъ обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Пану полковникове войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества запорозскаго Нѣжинскаго з' старшиною его полковою и всѣмъ, кому бы о томъ вѣдати належало. Симъ нашимъ ознаймуемъ универсаломъ, иж Пречестный отецъ Павелъ Іяворскій протопопъ Нѣжинскій подалъ намъ супплику отъ всѣхъ протопопіѣ своей священниковъ, з' такимъ предложеніемъ, же старшина тамошняя Нѣжинская в' домах' их' священническихъ великороссійскимъ людемъ такъ проезжающимъ, яко и в' городѣ станцію мѣющимъ заводятъ квартиры, й пречетниковъ церковныхъ', то есть клиторовъ во взстачени провіянту потягаютъ'; з' чого они священницы немалую учиняючи трудность, просили насъ о іобороній себя универсалъ. Мы прето тому ихъ священниковъ прошенію не отмовивши, а вѣдаючи яко инніе священницы, такъ і они, за (?) с. Монаршое Царскаго Величества достоинство и за все войско запорозкое непрестанное у Престола Божія приносятъ моленіе: з' тихже респектовъ велѣлисмо з' канцелярій войсковой сей нашъ выдати универсалъ, уволняючи такъ ихъ священническіе домы от станцій, яко и пречетниковъ церковныхъ от выстаченья провіянту.

Зачимъ абы старшина нѣжинская вѣдаючи о таковой нашей волѣ, не смѣли в' предъ на ихъ священниковъ домы нѣкого наводити для станцій, яко о томъ и сіятельнѣйшаго графа его милости генерала фелтъ маршала... универсали, также и служителей церковныхъ, то есть ктиторовъ, дяковъ, панамаревъ до жадного выстачения провіанта не примушали, й до суду свѣцкаго непотягали мѣти хочемъ и пилно приказуемъ; данъ в' Глуховѣ декабрія 9 року 1703.

Звышменованный гетманъ рукою власною. (Мѣстцѣ печати реймен-тарской).

21.

У священника Нѣжинской Пантелеймоновской церкви отца Ѳеодора Кушакевича я нашелъ слѣдующій письменный памятникъ украинской старины, который передаю буквально:

1735 году мѣсяца октобрія 14 днія.

Ія ниже подписанный чиню вѣдомо сеею моею купчею кому в' семъ всякаго права и суда будетъ вѣдати, иж продалъ свой властный, мною купленный домъ въ Нѣжинѣ, при церквѣ Святителя Христова Василія лежачій, зо всеею сколичностю честному отцу Симеону Хорошкевичу пресвитеру тоей церквѣ, за готовую суму двѣстѣ шестдесятъ рублей, по согласіи жены своей Маріи Іакубовичевны и въ предъ я и жена моя какъ .... и чадъ его и зъ кревнихъ тоей близкихъ и далекихъ неважилися турзовати или якую турзацѣю вѣшчинати въ томъ я нижеподписанній таковыхъ турзаторовъ, таку жъ суму всякаго суда и права покладаю вынь двѣстѣ шест-

десятъ рублей и оній домъ зъ вколичными дворцами, з' сад' и сажалкою вѣчними часи какъ и жена моя Марія и кревніи мои близкіи и далекіи честному отцу Симеону и детямъ его, его честностію оный домъ заплаченный вишшеписанною цѣною вѣчне уступуемъ и онымъ дворомъ зо всею околичностію якъ его честности, такъ и дѣтямъ его оный дворъ, якъ своимъ властнымъ купленнымъ съ вышше околичностію, прописаннымъ владѣти, дати, даровати, продати, или.... его волѣ, якъ хотятъ всякъ благій пожитокъ вращати, въ томъ я сію мою отъ мене рукоданну купчу вручаю честному отцу Симеону вѣчными часы с' подписомъ руки моей властной при нижеподписанныхъ свидѣтеляхъ. У сей моей купчой сотникъ Пущанскій Михайло Кандиба собственноручно подписался.

На семъ купчомъ запичу по прошенію (*въ осторожномъ* или *въ посторонномъ* — нельзя разобрать) во свидѣтеля.... продажа, такъ и купля приведенная есть и деньги всѣ отданы. Подписалъ сотникъ Монастырскій (*) Іванъ Романовичъ.

На семъ купчомъ запису вышъ писаннаго я.... упрошенный отъ пана сотника Пущанскаго, пана Михаила Кандибы и отъ пречестного отца Симеона Нѣжинскаго Васильевскаго во свидѣтельство подпису руки моея, Мойсей Суханскій пресвитеръ Рождества Богородицы Монастырищенской на сей купчей подписался.

Григорій Кулжинскій.

(*) Т. е. изъ м. *Монастырища*, что недалеко отъ г. Нѣжина.

Изъ №№ 28, 29, 31, 36, 38, 40 1864 г. 2 и 5 Черниг. Губ. Вѣдом. 1865 г. Черниговъ. — Въ Губ. Типографіи.

77 92

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

HECKMAN
BINDERY INC.
DEC 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025098687